ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 103 (4228)

Вторник, 30 августа 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЛГ в мире науки

Дневник писателя

КАЖДЫЙ новый успех в изучении космического пространства заставляет ученых самых различных специальностей все напряженнее думать о завтрашнем дне науки, о том уже близком будущем, когда в ее распоряжении окажутся интереснейшие материалы, добытые на Луне, Марсе или Венере. Но, мечтая о будущем, небесполезно иной раз оглянуться на прошлое.

Всем памятна осень 1957 года, когда первый советский искусственный спутник начал свой триумфальный полет вокруг Земли, демонстрируя всему миру блистательные достижения нашей техники...

А в каком положении находились в это время естественные науки? Не застал ли их начавшийся штурм космоса врасплох?.. Итак, постараемся вернуться на несколько лет назад.

ЗЕМЛЯ И КОСМОС

Игорь ЗАБЕЛИН

Вне «подозрений», разумеется, находится астрономия — наука, всегда стремившаяся как можно дальше и глубже проникнуть в космос. Ее интересовали и звезды, и кратеры вулканов на Луне, и бесконечно далекие туманности. Иначе говоря, все мироздание, и в этом крылись свои сложности. Чем больше фактов накапливали астрономы, тем труднее становилось им ориентироваться в бесконечном многообразии природы. В 1949 году в книге «Современные представления о вселенной» академик В. Г. Фесенков, отмечая это обстоятельство, весьма категорично писал, что судить о структуре и происхождении лунных форм должен геолог, а о движении атмосферных масс на Юпитере — геофизик, что нужны новые науки — астрогеология («если так можно выразиться», добавил в скобках В. Г. Фесенков) и даже астробиология.

Мысли ценные. Но для того чтобы та или иная наука возникла, мало осознать ее возможность, — необходимо найти либо новые факты, либо новый методологический принцип, позволяющий иначе, чем это делалось раньше, изучать уже известный материал. Лишь возникновение встречных, устремленных в космос поисков в «земном» естествознании могло привести к созданию новых, пограничных с астрономией наук.

Впервые союз астрономии с земной наукой был осуществлен в Алма-Ате более чем за десять лет до запуска первого искусственного спутника. Ученые занялись изучением оптических свойств земных растений, обитающих высоко в горах, в суровых, близких к марсианским, климатических условиях. Для того чтобы разгадать тайны Марса, было совершено несколько экспедиций в высокогорные районы Тянь-Шаня и Памира... Так возникла новая наука — астроботаника, занявшаяся сравнительным изучением оптических свойств марсианской растительности и земной.

Довольно долго астроботаника оставалась одинокой. Если, скажем, геологи могли бы отправиться на Луну, — астрогеология возникла бы самым естественным образом... Но в те годы полеты в космос еще казались фантастикой. И все-таки творческая мысль советских геологов сумела проложить себе дорогу во Вселенную. В январе 1955 года в Ленинграде состоялась конференция, посвященная проблемам астрогеологии.

Интересно, что первоначально астрогеологи не включали в сферу своих интересов другие планеты, — они были заняты проблемами земной тектоники, стремились понять причины изменения лика Земли. До сих пор наука не располагает общепринятой теорией горообразования. Это объясняется тем, что авторы многочисленных гипотез не учитывали влияния астрономических факторов на тектоническую жизнь Земли. Между тем наша планета вращается вокруг своей оси, вокруг Солнца, взаимодействует с Луною и Солнцем, и все это не может не сказываться на положении материков, океанов, горных систем. В привнесении астрономических факторов в геологию и видели первое время свою задачу астрогеологи.

Но вращается вокруг своей оси, испытывает влияние космоса не только Земля. Марс вращается вокруг своей оси почти с такою же скоростью, как и наша планета. Луна — значительно медленнее, но раньше она вращалась быстрее. Если, например, вращение планеты действительно влияет на тектонику, то в устройстве поверхности, допустим, Земли и Марса должны быть какие-то общие черты. На Земле материки сосредоточены в северном полушарии, океаны — в южном. А на Марсе?.. Океанов на Марсе нет, но впадины тоже сосредоточены в южном полушарии. Эта же закономерность прослеживается и на Меркурии.

Стало быть, учет астрономических факторов уже сейчас позволяет начать геологическое изучение соседних планет. Так геология подобрала «ключ» к космосу, не дожидаясь межпланетных перелетов.

Вскоре союз с астрономией заключила еще одна, казалось бы, сугубо земная дисциплина, — физическая география, и возникла новая наука — астрогеография, к разработке основ которой причастен и автор этой статьи. Современная физическая география — наука преимущественно теоретическая, и изучает она своеобразное природное явление — биогеносферу, «сферу возникновения жизни». Биогеносфера—это тонкий слой на поверхности земного шара, включающий земную кору, океаны, нижние слои атмосферы, слой, в котором сосредоточена жизнь. Перерасти в астрогеографию физическая география могла лишь в том случае, если бы аналогичные образования имелись и на других планетах. И они имеются на Марсе и Венере. Так, над твердой, сложенной горными породами поверхностью Марса располагается атмосфера. «Полярные шапки», то расширяющиеся, то почти исчезающие, свидетельствуют о наличии воды, а темные «моря» — о растительности. О Венере нам известно меньше, но бесспорно, что она имеет мощную атмосферу, а также воду. О воде на Венере долгое время шли споры, но недавно в иностранной печати появилось сообщение, что американцы с помощью телескопа, поднятого на высоту более 20 километров, обнаружили на Венере водяной пар...

Все процессы, протекающие вокруг нас на Земле, объясняются взаимодействием составных частей биогеносферы — горных пород, воздуха, воды, жизни, солнечных лучей. Аналогичные процессы должны протекать на Марсе и на Венере. Следовательно, возможно их сравнительное изучение, возможна новая наука — астрогеография.

Итак, естествознание оказалось теоретически вполне подготовленным к штурму космоса, начавшемуся в 1957 году. Показательно, что все три «звездно-земные» науки возникли в Советском Союзе, и в течение последнего десятилетия, предшествовавшего запуску искусственных спутников Земли.

Новые научные направления, как и полагается, подвергались обсуждению. Высказывались и критические замечания. Важнейшее из них сводилось к тому, что ученые, занимающиеся астрогеологией и астрогеографией, неправомерно ставят рядом космос и Землю, неправомерно переносят земные закономерности на другие небесные тела. Чтобы ответить на этот упрек, необходимо было разобраться в методологическом, мировоззренческом значении начатых работ. И тут пришлось вспомнить о Николае Копернике. Вкратце суть дела сводится к следующему.

После выхода в свет в 1543 году бессмертного сочинения Коперника «Об обращениях небесных сфер» в науке утвердилось представление о Земле, как о планете, вращающейся вокруг Солнца наряду с другими небесными телами. Система Коперника утверждала, кроме того, новую чрезвычайно важную идею — мысль о единстве мира, о том, что «небо» и «земля» подчиняются одним и тем же законам.

Все это ныне общеизвестно. Но было бы неправильно полагать, что переворот в мировоззрении, совершенный Коперником, стал к настоящему времени достоянием исключительно истории. Мало признать, что Земля — это небесное тело, движущееся в космосе, — нужно еще научиться использовать эти истины в конкретных науках о Земле. В этом направлении сделано было много, но все-таки недостаточно. В частности, в геологии до возникновения астрогеологии астрономические факторы учитывались лишь в малой степени, коперниканство еще не вошло в плоть и кровь этой науки.

Но из коперниканского мировоззрения следует еще один методологический принцип: если Земля — небесное тело в ряду других небесных тел, то наши знания о ней имеют не только «местное», но и широкое космическое значение. Иначе говоря, если мы признаем Землю небесным телом, то, во-первых, мы вправе распространять наши знания о ней на иные, сходные по природе небесные тела, а во-вторых, сравнивая планеты, можем проверять и уточнять наши знания о Земле. В последовательном осуществлении этого принципа и заключается, очевидно, завершение коперниканского переворота в естествознании.

При таком понимании проблемы не оставалось сомнений в том, что постепенное «перерастание» земных наук в космические будет продолжаться. Бесспорно, например, что со временем геохимия, изучающая миграции химических элементов на земном шаре, использует свои достижения при изучении планет и геохимия перерастет в астрогеохимию.

Когда советские космические ракеты одна за другой устремились к Луне, общие эти соображения получили дополнительное практическое подтверждение. Как известно, было установлено, что Луна лишена сколько-нибудь значительного магнитного поля, и это сразу же было увязано с теориями земного магнетизма. В печати замелькали высказывания о соединении геофизики с астрономией, — и это совершенно правильно, речь идет о новом астрогеофизическом направлении в науке. Оно приобретает большое значение, в частности, в связи с тем, что открытые недавно вокруг Земли пояса радиации должны быть и у других планет, имеющих магнитные поля.

Оценивая сдвиги, происходящие в современном естествознании, приходится признать, что естествознание вступает в новый, высший этап своего развития. Перерастание земных наук в космические вовсе не означает, что первые из них автоматически исчезнут, — мы еще плохо знаем свою планету, и дел у земных наук непочатый край. Но общая теория земных наук едва ли сможет успешно развиваться без использования материалов, полученных на других планетах.

Имеются ли пределы для проникновения земных наук в космос? Едва ли. Изучая планеты солнечной системы, наука будет опираться на знания о Земле. Изучая планетные системы других солнц, наука будет использовать знания о планетах нашего Солнца. Астроботаника, астрогеология, астрогеография, как и все остальные науки, корнями своими неразрывно связанные с Землею, найдут себе применение при исследовании самых отдаленных уголков космоса.

Штурм Вселенной требует объединенных усилий всего человечества, ученых разных стран и разных специальностей. Высокие принципы мирного сосуществования, научного содружества восторжествуют на Земле, и мы верим, что наступит день, когда штурм космоса будет проходить по единому плану, что ученые всего мира согласятся провести первый Международный космический год. Новые корабли-спутники, новые космические корабли доставят тогда науке информацию, которая во многом определит будущее естествознания.

КАК в свое время строительство Днепрогэса и Магнитки неудержимо влекло к себе молодежь первых пятилеток, покоривших знаменитый Байкальский лед, так ныне со всех концов страны стремятся юноши и девушки на восток, в Сибирь, на грандиозные стройки семилетки—Братскую и Красноярскую ГЭС.

Молодые строители создают на великих сибирских реках гигантские фабрики электроэнергии, которая озарит необозримые [illegible] Сибири, будет питать энергией новые промышленные [illegible].

Вот [illegible] машинист портального крана Алексей Мещерин, [illegible] строитель Братской ГЭС, [illegible] за смену 616 кубометров бетона, поставив [illegible] рекорд. Алексей Мещерин работает на одном из мощных портальных кранов, которые вы видите на нижнем снимке. День и ночь идет стройка. Все выше и выше растет бетонная [illegible]...

У ГИДРОСТРОИТЕЛЕЙ СИБИРИ

То, что не входит в таблицу...

РЕПОРТАЖ С XVII ОЛИМПИЙСКИХ

ОЛИМП в Риме только еще взял старт. Если на воде и велотреке уже известны решающие результаты, то на ковре, на площадке баскетбола идут предварительные схватки, результаты которых определят тех, кто обретет право подниматься дальше и выше по лестнице, ведущей к пьедесталу почета. Правда, есть уже спортсмены, которые в первые же дни заработали право занять место на вышке славы. Как бы ревниво ни следили все за ходом состязания сильнейших в мире спортсменов, победа итальянских велогонщиков-шоссейников и знаменитого спринтера Гайардони, которым достались две самые первые золотые медали XVII игр, была принята с единодушным дружеским удовлетворением. То была дань чувству благодарности за радушие, с которым страна-хозяйка Италия встретила и принимает спортсменов и гостей из всех стран.

Мы заранее знали силу итальянских велосипедистов, мастеров самого популярного, подлинно национального в стране спорта, и понимали, какие грозные соперники у наших мастеров бегущего колеса. Тем более ценны бронзовые медали, которые первыми дали нашей команде В. Капитонов, Е. Клевцов, Ю. Мелихов и А. Петров, завоевавшие награду в стокилометровой гонке по раскаленному шоссе, в жару, стоившую жизни одному из датских спортсменов. Не менее почетны бронзовая медаль Р. Варгашкина в спринтерской гонке и такая же победа Б. Васильева и В. Леонова на тандеме. Вся печать отметила это, как большой успех советского велоспорта.

Очень хорошее впечатление произвел среди наших боксеров Б. Никоноров, правая рука которого быстро справилась с американцем Н. Спанакосом. Хорош и Е. Феофанов, одержавший первую победу.

Баскетболисты наши играют, как мне кажется, еще не в полную силу. Они выиграли у мексиканцев и потерпели досадное поражение во встрече с бразильцами. Надо надеяться, что наши мастера еще войдут по-настоящему в силу. Очень сильное впечатление произвели американские баскетболисты. Это серьезные противники — подвижные, стройные и разнообразно оснащенные блестящими приемами игры.

Наши ватерполисты имеют уже несколько побед, нужных для продвижения дальше по крутому пути к вышке славы. В частности, они одержали уверенную победу над бразильцами со счетом 8:2. Но все эти результаты еще ничего не решают. Они лишь определяют претендентов на дальнейшую борьбу.

Но, как бы тренируя свои математические возможности, журналисты пока что подсчитывают всякие другие цифры, связанные с Олимпиадой. Просто-таки диву порой даешься, до чего азартны и дотошны некоторые газеты в погоне за самыми неожиданными цифрами, видя в них привычное числовое определение сенсации. Это закон мира, где любят ошарашивать цифрой, выписанной на чеке или орущей в заголовке. Все подсчитали, все взвесили эти регистраторы сенсаций. Поспешили сообщить, что сбор с билетов в день открытия на Олимпийском стадионе был рекордным и достиг 170 с лишним тысяч итальянских лир. Отметили, что, увлекшись обстоятельными подсчетами расходов и доходов, председатель Олимпийского комитета Андреотти говорил только лишних пять минут сверх регламента. Что температура в Риме тоже близка к рекорду, дойдя уже до 37 градусов.

Подсчитано точно, сколько собралось сюда разных принцев, королей и всевозможных коронованных особ, начиная от греческой и голландской королев, включая королеву заокеанского экрана Элизабет Тэйлор и ее мужа Эдди Фишера и кончая некоронованным королем брильянтов, неким мистером Рогусом. Стоимость его брильянтов журналисты смогли подсчитать скорее на слух, чем на глаз, но тут же со смаком сообщили, что у этого самоцветного монарха даже краны в ванной украшены брильянтами.

Однако такие ювелирно-газетные подсчеты возымели свое действие. Так называемые сливки общества, которые, боясь скиснуть от жары, бежали сначала из итальянской столицы, о чем очень сокрушались репортеры светской жизни, теперь поспешно вернулись в Рим. И, как изящно выражаются в газетах, на Виа Венето, самой шикарной улице Рима, вновь открылись окна», ранее наглухо зашторенные жалюзи.

Сейчас по улицам города разъезжает множество мотороллеров с вежливыми молодыми людьми, которые, подъехав к тебе, вкрадчиво заглядывают в лицо и, узнав иностранца, предлагают: «Камера?», то есть не надо ли комнаты...

Дело в том, что 150 тысяч кроватей в римских отелях остаются не раскрытыми на ночь, так как из-за дороговизны туристы сочли за благо не соваться в Рим в такую жаркую во всех смыслах пору. Подсчитано, что сейчас в Риме 78 тысяч туристов, а ждали чуть ли не в три раза больше. Кроме того, монополию на отели, где расселяются фирмами туристы, полностью захватила церковь, а другие отели пустуют.

Но, если уж продолжать разные подсчеты, следовало бы заняться теми, которые не ведутся в буржуазных газетах, но о которых много говорят в трудовых кварталах Рима. Там поговаривают о том, что столице грозит забастовка торговых служащих. Магазины работают дольше обыкновенного, хозяева хотят нажиться на туристах, а платят продавцам по-прежнему. На ряде участков, где проходит олимпийская трасса, и в других местах, куда затруднен проезд даже легковых машин, не говоря уже о грузовых, остановилась, замерла стройка. Тысячи рабочих строителей имеют нынче вынужденный прогул. От этих невеселых подсчетов и пресчетов отворачиваются журналисты буржуазных газет. И, может быть, не стоило бы и нам замечать эти тени на солнечном олимпийском дне, но из песни, как говорится, слова не выкинешь.

Что касается чисто спортивных подсчетов, то некоторые журналисты полагают, что весь смысл Олимпиады в том, чтобы американцы свели счеты с советскими спортсменами. Спору нет, в центре внимания всех наблюдателей интереснейшие и сулящие новые успехи в развитии международного спорта товарищеские схватки двух самых мощных коллективов Олимпиады. Но всякий, кто побывал в Олимпийской деревне или на совместной товарищеской тренировке американских и наших ребят, убедился, что обе стороны относятся друг к другу с настоящим дружеским и уважительным участием.

Л. КАССИЛЬ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

РИМ. 29 августа. (По телефону).

Читательская конференция в Казани

В СТОЛИЦЕ Татарии — Казани состоялась конференция читателей «Литературной газеты».

В зале Дома ученых собралось свыше шестисот рабочих, педагогов, студентов, инженеров, писателей, журналистов. Открывая конференцию, председатель правления Союза писателей Татарии тов. А. Шамов отметил, что общественность, интеллигенция республики внимательно следят за работой «Литературной газеты».

После сообщения о работе и творческих планах редакции начались оживленные прения, в которых приняли участие нефтяник-бурильщик А. Салахов, молодой литератор В. Сикеев, библиотекарь Ф. Вагапова, писатели А. Абсалямов, А. Минский, Я. Вишенский, доцент Н. Рахлин, режиссер телестудии Х. Кумысников, старый учитель, пенсионер Н. Анучин.

Основной темой прений было освещение на страницах «Литературной газеты» проблем коммунистического воспитания, развитие советской литературы, культуры, в частности в Татарии.

— Постоянно занимаясь литературами братских национальных республик, — сказал писатель Абдурахман Абсалямов, — «Литературная газета» все же недостаточно уделяет внимания татарской литературе.

— К сожалению, к нам, нефтяникам Татарии, редко приезжают писатели Казани, не говоря уже о московских литераторах, — сказал в своем интересном выступлении бурильщик Асхат Салахов, который пришел на конференцию с экзаменов в институт, куда он сейчас поступает. — А почему? Почему бы «Литературной газете» не прислать к нам нескольких писателей? Пусть поживут у нас, посмотрят, как добывается татарская нефть, увидят, какой отличный народ работает на промыслах, какая у нас интересная жизнь.

Заведующая читальным залом библиотеки № 9 гор. Казани Ф. Вагапова привлекла внимание к весьма важному вопросу.

— В нашей библиотеке 4 500 читателей, — сказала она. — Среди них много рабочих и служащих, внимательно и постоянно читающих «Литературную газету». Редакция должна это учитывать, прежде всего пристальнее вглядываясь в яркую жизнь нашего рабочего, в то новое, что она рождает, и развитие движения коммунистических бригад.

Говоря о работе «Литературной газеты», доцент Н. Рахлин советовал шире поставить в газете критику и библиографию, начать разработку назревших проблем советской эстетики, подробнее информировать читателей о жизни литератур всех братских республик нашей страны, внимательнее отнестись к освещению проблем литературоведения.

Полемизируя по вопросу о современном литературном стиле, писатель Абдрахман Минский советовал редакции значительно расширить круг авторов, участвующих в этой и других литературных дискуссиях.

Молодой литератор В. Сикеев в своем остро критическом выступлении говорил о необходимости повысить требовательность к писателям и поэтам, выступающим в газете.

Столь же интересными были выступления читателей на конференции, прошедшей на следующий день во Дворце культуры в одном из рабочих районов Казани. Принявшие здесь участие в обсуждении работы «Литературной газеты» тт. Скорбилин, Мустафин, Назмутдинов, Опарин, Гумеров, Молокапина, Лопухов, Сабитов, Бударин и другие высказали ряд ценных критических замечаний.

Читательские конференции в Казани совместно с Союзом писателей и Союзом журналистов Татарии проводила бригада «Литературной газеты» — член редколлегии Г. Гулиа, ответственный секретарь редакции О. Прудков, специальные корреспонденты газеты В. Берестов и Н. Мар.

Музей Якуба Коласа в Литве

Постановлением Совета Министров Литовской ССР в Вильнюсе, в доме, где когда-то жил и работал выдающийся классик белорусской литературы Якуб Колас, решено открыть дом-музей его имени. Министерство культуры республики приобретает этот дом у Ивана Дмитриевича Каменского — друга Якуба Коласа. Старый пенсионер, сохранивший вещи, связанные с пребыванием поэта в Литве, передает их дому-музею. Кроме того, он дарит фотографии Я. Коласа и его письма.

За рубежом

События и комментарии

ОПАСНАЯ БЛИЗОРУКОСТЬ

ПРОШЛО десять дней с момента опубликования зловещего меморандума бундесвера ([illegible], гитлеровских) генералов. Бундесвер потребовал атомного вооружения ФРГ.

Эти наглые притязания вызвали возмущение во всем мире. Однако официальные западные круги хранят подозрительное молчание. [illegible] ... [illegible] Франции заявил, что меморандум генералов «не содержит новых элементов»(!) и вообще является делом исключительно германской внутренней политики.

Бонн, естественно, расценил позицию западных держав в соответствии со старым правилом: молчание — знак согласия. Аденауэр, испугавшийся было бурной реакции мирового общественного мнения, тут же «успокоился» и вместе Штраусом, что [illegible] с требованиями меморандума.

Двадцать с лишним лет назад подобная политика правительств Франции и Англии дорого обошлась народам этих стран. И все же они, эти правители, снова надеются, что западногерманский бундесвер направит оружие «только» на Восток.

На самом же деле дело идет о завоевании господства в Европе.

Доказательства? Сколько угодно!

Недавно в Германскую Демократическую Республику перешел адъютант генерала Каммхубера — фон Ганга (заявивший, что гитлеровский генерал Каммхубер ныне является инспектором западногерманских военно-воздушных сил и одним из авторов пресловутого «меморандума штаба бундесвера»). Западногерманская газета «Вестфалише рундшау» [illegible] ... [illegible] фон Ганга, который в качестве адъютанта Каммхубера неоднократно сопровождал его в поездках в США и правительства [illegible] стран НАТО, располагает значительно большими секретными сведениями, чем Винцер (майор вермахта, также перешедший в ГДР. — Авт.).

Да, фон Ганга сообщил кое-что о тайных планах бундесвера. Вот одно из его заявлений: для Западной Германии и бундесвера господство в Европе — «это их изначальная цель как и в прошлом». В беседе с Каммхубером в 1958 году Штраус заявил: «Еще в течение двух лет мы должны будем создавать на заседаниях Совета НАТО впечатление, будто мы — самые горячие сторонники западной интеграции Германии... Благодаря нашей военной мощи мы достигнем своей цели. Западная Германия станет самой ведущей военной и экономической державой Западной Европы». В Западной Германии говорят, что во Франции слишком много коммунистов и это делает положение для боннской Германии неопределенным. Бундесвер во Франции — вот «тайный» интерес необходимым Франции».

Это только свидетельство показаний? Но вот документ — статья в журнале «Верхунде» («Военное искусство»): «Если бы немцы тогда владели атомным оружием, они могли бы не только стереть с лица земли главные базы снабжения в Южной Англии, но и превратить в руины порты погрузки на английской и порты выгрузки на французской сторонах... Далее они могли бы разрушить [illegible] склады снабжения, сосредоточенные на [illegible] территории».

Кому принадлежит эта статья? Издателями журнала являются генералы Каммхубер и адмирал Руге — оба ответственные члены штаба бундесвера...

«Вспоминая» мечтают об атомном оружии, чтобы стереть с лица земли английские склады. Руководитель же бундесвера мечтают об атомном оружии, чтобы поразить и подчинить английские и французские вооруженные силы. Бешеные агрессивные мечтают об атомном оружии, чтобы господствовать в Западной Европе.

Это программа-минимум. Программа-максимум остается прежней.

Тот, кто не видит этого, — тот не только близорук...

ЛИТЕРАТОР

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

Рисунок Н. Карповского

ГРОМ ГРЯНУЛ...

ЗАВОД ПРОЦВЕТАЛ. «Отдельные» недостатки не омрачали светлой картины. Зато ее подтверждали многочисленные атрибуты славы, начиная с хвалебных заметок в местных газетах и кончая премиальными. Калининский совнархоз из квартала в квартал венчал Ржевский завод швейных машин лаврами. Здесь уже пригляделись к полотнищу переходящего Красного знамени, привыкли к бравурным звукам туша на торжественных актах.

Блестящие отчеты, поступавшие из Ржева, ласкали слух хозяйственников. Производственный план неизменно перевыполняется. Конструкторы и технологи завода одержимы жаждой совершенствования швейной машины «Волга»: за несколько лет внесено чуть ли не шестьсот изменений в ее конструкцию — в среднем по две на каждую деталь — шутка ли?

Гром грянул среди чистого, казалось бы, небосвода: завод остановили...

И вдруг сменила тон местная пресса. Знамя — привычное, ставшее почти домашним, — у завода отобрали. В совнархозе срочно скомплектовали и отправили на подмогу ржевитянам целую бригаду инженеров. Стали поговаривать не просто о «срыве», а о порочности всей системы производства на заводе. И даже знакомые, встречая работников завода, нет-нет, да и окликали их словом неуважительным и обидным. А слово это — «бракоделы».

Если бы на заводе раньше имели охоту к честным прогнозам, то можно было предугадать столь трагический оборот дела. О нем предупреждали тысячи людей, вовсе и не желавших быть пророками, а просто чувствовавших себя пострадавшими. В гарантийной мастерской я просматривал толстые папки с письмами от покупателей. Не письма — слезы. «Смотрю на вашу «Волгу» и плачу: она не шьет, а только мучит меня». «Красивая дорогая игрушка». «Годна в утиль». «Возьмите машину обратно и верните мои трудовые деньги».

Многотысячными тиражами расходилась из Ржева швейная машина «Волга» — вещь ненадежная, капризная. Шестьсот конструктивных изменений (о, эта магическая статистика!) не коснулись органических пороков машины. В цехах завода терпели поистине варварскую технологию. Механизм, требующий микронной точности, изготовляли при помощи кувалды, зубила, тисков. Детали, с которыми полагается обращаться на «вы» и брать чуть ли не пинцетом, гнули и подгоняли «на глазок».

И нужен, нужен был именно гром, чтобы нарушить эту бракодельческую идиллию. В роли громовержца первоначально явился инженер из госторгинспекции. Он приехал на завод не как очередной дежурный командировочный. Его строгость и дотошность были непривычны. И последствия его визита оказались чрезвычайными: министр торговли специальным приказом закрыл доступ ржевской «Волге» на базы и в магазины.

Я ПРИЕХАЛ в Ржев через месяц после этого грозного запрета и через несколько дней после того, как на заводе получили новый приказ министра. Учитывая изменения, которые произошли за последние недели в технологии изготовления машин, а также улучшения в конструкции, министр снова открыл ржевским швейным машинам дорогу в торговлю. Улучшенную машину назвали «Ржев», быть может, для того, чтобы отныне покупатель точно знал адрес завода.

Не берусь судить о достоинствах машины, которую теперь будет выпускать завод. Но вот «дядя Миша» Холин, рабочий корпусного цеха, которому, по его словам, «возраст не позволяет плохо работать и врать», сказал так:

— «Волгу» я бы ни за какие коврижки не купил себе — уж мы-то знали, как ее делали, — а «Ржев» бы купил.

Я доверяюсь дяде Мише, так же как и инженеру из торговой инспекции — тому самому, кто в мае как раз и заварил на заводе кашу. В июле он снова приехал сюда и подписал акт, удостоверяющий, что машина «Ржев» — это вещь стоящая. По мнению инженеров завода, в технологии изготовления машины произошел «настоящий переворот, чуть ли не революция».

Работники торговли со своими сильными средствами лечения оказались хорошими докторами. Эта «отрасль медицины» уже завоевала признание. Я знаю, что в палату для бракоделов сейчас приняты новые больные. Их не жалко. И это хорошо, что Министерство торговли наконец-то сменило терпимость на высокую требовательность. Но хочется разобраться в другом: какие микробы вызывают болезнь? Меня все больше и больше стало интересовать, как чувствовали себя на ржевском заводе руководители в то самое время, которое предшествовало скандалу. Понимали они свой грех? Придавали ему значение? Могли совершить «переворот» не такой дорогой ценой, как теперь?

«Рихтовка»... Толковый словарь объясняет это техническое понятие коротко: «рихтовать» — значит «выпрямлять, выверять». Если какая-нибудь деталь с изъяном, ее можно подправить, подогнать, допустим, с помощью молотка — подрихтовать. Я так часто слышал это малознакомое прежде слово во время своей поездки в Ржев и Калинин, что оно сразу стало привычным и содержательным. И даже захотелось употреблять его в переносном смысле.

Можно, например, «подрихтовать» совесть: с помощью удобных объяснений, грубых или тонких оговорок и самооправданий примирить свое упущение в деле с нормой принципиальности. Это для успокоения самого себя. А для начальства — подогнанные под благополучный отчет сведения о своих делах; умолчания и пустые заверения о «принимаемых мерах» создадут иллюзию порядка.

В точном машиностроении рихтовка — запрещенный прием. Отношение человека к своему делу тем более нуждается в настоящей прямоте, точности без подгонки, иначе дело обернется серьезным срывом.

Сейчас заводские инженеры рассказывают о порядках, что существовали в цехах, как анекдот. Еще три месяца назад их это не шокировало, не оскорбляло.

— Как-то свыклись, пригляделись... Знаете, что такое инерция заведенного производства!

Упрощением было бы обвинить руководителей завода в нераспорядительности и слабосилии. Ведь когда дело касалось выполнения «непосильной» программы, у них вдруг находились и умение, и энергия преодолевать инерцию.

Варварская же технология в цехах сказывалась «всего лишь» на качестве продукции.

План и качество... Первое считалось законом, делом чести. Второе казалось неглавным, необязательным.

Я спрашивал секретаря заводского партбюро В. Воронцова: не почетнее ли было, не дожидаясь скандала извне, самим поднять его? Ответ был уклончивым:

— Изнутри или извне — все скандал. Почету мало.

Позднее, будучи в Калининском совнархозе, я беседовал с начальником управления машиностроения И. Морозовым.

— Да, бдительности у нас не хватило, — признался он. — Но поймите и нас: завод, по сути дела, нас дезинформировал. Если бы мы знали, что у них такое творится! Им бы честно признаться, — тогда совнархоз имел бы моральное право настоятельно ходатайствовать перед Советом Министров о временном сокращении программы для завода. Потом бы наверстали упущенное. Но ведь они боялись оголить себя!

Временное сокращение выпуска машин — да, это был выход, признаются теперь и на заводе. Перестроились бы на ходу, по своей инициативе. Но один начальник цеха как-то предложил это на партбюро — и угодил в «оппортунисты».

На заводе не стеснялись принимать незаслуженные награды. Премиальные не жгли бракоделам руки. Во все края страны шли швейные машины, за которые завод не мог поручиться.

Невнимательный совнархоз можно было успокоить липовым оптимизмом. Ну, а себя-то, свою совесть?

РАССУЖДЕНИЕ, которое я сейчас приведу, не предназначалось для официального пользования. Однако я считаю нужным привести его: оно, словно туфля Золушки, сшито как раз по мерке тех дел и тех понятий, что привели ржевских бракоделов к краху.

— Как у нас водится, — рассуждал один из ответственных работников завода, — купил я радиоприемник — через неделю перегорела лампа. Стул, на котором я сижу, скрипит, а он месяц как из магазина. Новый шифоньер — пожалуйста, с трещиной. Неприятно, конечно, но можно пережить. Можно починить, можно перетерпеть. Зато почти у всех есть новые приемники, шифоньеры, стулья... не очень высокого качества, иногда — дрянь. Но это уже полбеды, это — болезнь роста.

Нечего говорить, конечно, о том, что в этих словах большая передержка. Но суть ясна: бракодел протягивает руку всем неизвестным бракоделам. Он объявляет им всеобщую амнистию и подводит под брак, под низкое качество вещей «идейную базу».

В Ржеве мне постоянно приходилось слышать еще одну оговорку: «Не забудьте, — повторяли инженеры, — в последнее время требования к качеству изменились!» На первый взгляд, этот аргумент серьезен. Действительно существуют какие-то критерии для определения того, что сегодня считать хорошим, лучшим, неустарелым. Вещи имеют свой моральный возраст. Но как только вспомнишь, что об этом говорят люди, дававшие торговле вещь, которая и вчера была заведомо плохой, — сразу становится ясно: это же спекуляция! Дескать, попробуй лови ее, сегодняшнюю-то моду; дескать, мы сами жертвы «болезни роста».

Так трещит по швам бракодельческая философия — трещит в результате жесткого лечения.

Но есть еще один аргумент бракодела. На заводе кое-кто тешит себя такой мыслью: строгость, проявленная к ним, связана с тем, что торговля уже затоварилась швейными машинами. Охотно вспоминают прецеденты: если накладывалось «вето» на какие-то товары, так только на те, что недефицитны.

Если в бдительность торгующих организаций вмешивались подобные коммерческие соображения, значит ослаблялся удар по обывательской философии бракодела, готового жертвовать качеством в угоду количеству. Но времена, действительно, изменились.

В Ржеве уже узнали цену своих предрассудков. И нас сейчас больше беспокоят другие, где-то благоденствующие еще бракоделы с «подрихтованной» совестью. Над их головами сгущаются и сгущаются тучи. Пахнет грозой. Верный признак — быть грому!

В. СИМАКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

РЖЕВ,
Калининская область

У ГИДРОСТРОИТЕЛЕЙ СИБИРИ

Людмила Лохмакова, которую вы видите на этом снимке, — одна из многих тысяч молодых патриоток-комсомолок, приехавших по зову сердца на строительство Братской ГЭС.

— Что привело вас в Сибирь из Белоруссии? — спросили мы Людмилу.

— Строитель, — ответила она, — по-моему, самая почетная профессия. Ведь мы же строим свое будущее...

Сейчас Людмила Лохмакова работает на портальном кране. За два года пребывания в Братске она успела закончить школу рабочей молодежи и собирается поступить в строительный институт.

Что ж, Людмила, твое решение правильное. Пожелаем тебе успехов!

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Владимир АМЛИНСКИЙ

ЭТА история произошла в районе Тимирязевской академии... Здесь не нужны будильники, здесь встают очень рано, с петухами. Задиристые, нахальные петухи возвещают начало нового дня. И уже потом подают голос заводы и начинает как бы нехотя, как бы спросонья, поднимать голову подъемный кран над каркасом нового дома, поводит затекшей за ночь шеей, а мимо него бегут мальчишки и орут: «Майна—вира! Вира—майна!» Начинается день.

И Вера Васильевна Щеголева спешит на работу.

Она идет быстро, резко, по-мужски. И вот она уже догоняет мальчишек, кричащих «майна—вира», и они здороваются с ней, и лица их становятся постными и праведными. Потому, что у нее строгие глаза, и потому, что они нюхом чувствуют в ней «учителку».

Она спокойно отвечает им, а внутренне подсмеивается над ними... Ей гораздо больше по нраву веселые, перепачканные рожи, чем тихие и благостные физиономии. Но вот они уже и дошли до школы, и быстрый ребячий ручеек влился в широкую реку, сдерживаемую берегами школьного двора. Но одна капелька оторвалась от этого ручья.

У «капельки» этой довольно мрачный вид... Суконная рыжая кепка, выгоревшая армейская гимнастерка, мешковатые рваные штаны и босые ноги.

— А тебе что, учиться не надо? Ты уже все знаешь?

Он посмотрел на нее недобрыми взрослыми глазами и сказал:

— А вам чего?

Затем повернулся и пошел степенно, тяжело, устало.

Мелькали грязные пятки, покачивалась большая рыжая кепка, а шея у него была тоненькая, и весь он походил на гриб. На одинокий маленький гриб, который может обернуться ядовитой поганкой.

На следующий день Щеголева пошла к матери Славы.

— Вы знаете, что Слава не ходит в школу?

— А как же ему в школу ходить, если он у меня босенький и ходить ему не в чем. И перед ребятами один позор получается.

Щеголева внимательно посмотрела на мальчика. Он глядел на мать угрюмо, сумрачно. И какая-то неясная улыбка то ли недоверия, то ли жалости блуждала на его губах.

Через два дня Щеголева принесла Славе Козлову новые ботинки.

— Спасибо, спасибо, милая! И уж какая ты нам благодетельница, уж какая ты нам святая заступница...— причитала над ботинками мать Славы и делала круглые восхищенные глаза, и нежно поглаживала ботинки.

— А ну обуй их, миленький, — сказала мать.

Славка покачал головой.

— Ну, без разговорчиков, — быстро проговорила мать.

И он шагнул к новым ботинкам. И когда он их надел, прошелся по комнате и услышал их щегольское веселое скрипение, морщинки на лбу его разгладились и лицо сделалось таким, каким ему и положено быть в этом возрасте, — счастливым. Но потом он посмотрел на мать и весь как-то сразу потускнел, притих...

Может быть, на этом и закончилось бы вмешательство Щеголевой в жизнь странного парнишки, но случилось иначе. Она возвращалась домой после многочасового и утомительного заседания в районо и вдруг услышала... Прерывистое тяжелое дыхание, топот ног, ругань. Двое довольно рослых парней прижали к забору кого-то третьего. Они валили его на землю. Он поднимался, и она узнала Славку. Он, сутулясь, пошатываясь, шел на них, глаза у него были побелевшие от тоски и ярости, от тяжелой, недетской злобы. И вдруг, присев, он мягко и неожиданно ударил одного из них под дых.

— Ах ты ворюга, ворюга, проклятый! — плаксивым высоким голосом кричал тот, кого он ударил. Парень нагибался, дрожащей рукой пытался сорвать с земли камень.

И тут же Щеголева кинулась между ними, и тут же открылись чьи-то окна, и базарным истерическим голосом закричала какая-то женщина:

— Ворюга, ворюга! Он моего убьет, в тюрьму его надо! Сам ворюга, и мать его ворюга, и сестра его ворюга!

И тогда Щеголева, крепко держа Славку за плечо, вернулась к окну и сказала уверенным учительским голосом:

— Хватит! Он не ворюга, он мальчик. Наш советский мальчик, понимаете вы?

— Знаем мы таких мальчиков! Такие мальчики в тюрьме сидят.

Но ни Щеголева, ни он уже не слушали. Они шли вместе по ночной улице, и он вытирал кровь и смотрел сначала затравленно, дико, а потом в глазах его появилось что-то человеческое. Это потому, что она не ругала его, не выговаривала, а просто молчала.

И только когда они ушли далеко от этого двора, туда, где кончается трамвайная линия, где редки электрические огни, она сказала ему:

— Ну что ж, сынок, дальше-то что будет?.. Опять в школу не ходишь.

И он повернулся и проговорил хриплым от долгого молчания голосом:

— Пропила мать ваши ботиночки!

СЕМЬЯ эта слыла образцом человеческого падения. Она показывала, до чего может докатиться человек. Из этого гнезда птенцы вылетали не в большую жизнь, не в институты, не на фабрики. Здесь был другой, точно установленный маршрут, — они попадали в тюрьму. Уходила мрачная машина с решетками на стеклах, увозила одну сестру... Потом проходили годы, подрастала ей тюремная смена.

Постепенно во дворе точно привыкли к тому, что семья эта воровская, горемычная, тюремная. И ничего тут не сделаешь. И некоторые уже приготовились к тому, что и подрастающему Славке предстоит «дальняя дорога». А вот Вера Васильевна Щеголева не хотела мириться с этим. Она знала, что самое легкое, это «худую траву из поля вон». А вот попробуй, чтобы выросла хорошая, добрая трава, чтобы посев был счастливым, попробуй остановить падение семьи, вмешаться в чужую тебе жизнь, вмешаться смело и нежно, мудро и осторожно. Мы все в ответе друг за друга.

Щеголева отправилась к директору школы, где учился Слава.

— Вы знаете, что происходит с мальчиком?

— Знаю, но выхода не вижу, — устало сказал директор.

— Вчера я ему купила ботинки, сегодня их уже нет.

— Мы в школе покупали ему ботинки трижды, и трижды на следующий день он приходил босиком. Вы же Славкину мать знаете.

— Мы можем сменить ему ботинки в пятый и десятый раз, но матерей ведь не меняют... Надо что-нибудь придумать.

И они решили перевести Славу в другую школу. Ему нужен был класс, в котором бы не знали, что его мать пьет, а сестры сидят в тюрьме. И чтоб некоторые дети не запирали на ключ портфели, где лежит неоценимое богатство в виде бутерброда, тетрадок и нового ластика.

Его перевели в новую школу и оставили на второй год. Он ничего не знал и ничем не интересовался. Когда его спрашивали, насколько раньше придет пароход из пункта «А», чем пароход из пункта «Б», он смотрел на учителей с иронией.

Нужно было, чтобы он понял радость ребячьего коллектива, чтобы обрел мальчишеские удовольствия, чтобы терзался мальчишескими горестями. Щеголева начала хлопотать об устройстве Славы в пионерлагерь. Нужна была бесплатная путевка... Мать Славки нигде не работала, и Щеголева пошла на ближайший завод.

— Бесплатно не могу, — говорит директор. — Не полагается.

— Надо, — говорит Щеголева. — Отец у него погиб на фронте, а мать...

— Что ж, мать энергичная женщина, — улыбается директор и смотрит на Щеголеву.

— Я не мать, — говорит она.

— А кто же, тетка, бабушка? — удивляется он.

— Соседка я... В одном дворе живем. А мать его не в счет. Плохая мать... Надо помочь парнишке.

Директор был человек бывалый, жизненный опыт, выработавшееся за долгие годы чутье подсказали ему, что все равно эта женщина добьется своего, даже если он ей откажет. Кроме жизненного опыта у этого пожилого, усталого человека без сантиментов было еще и сердце. И он сказал: «Ладно, сделаем».

На следующий день Щеголева принесла Славке список вещей, которые ему нужно взять с собой. Мать Славки рассердилась.

— Уж какая вы мудрая да разумная, — заверещала она, глядя на Щеголеву исподлобья. И Щеголева поняла, что разговор бесполезный.

— Зайди ко мне утром, — сказала она Славке.

Всю ночь она и ее муж прилаживали для Славки кое-какие вещи. Переделывали кое-что из одежды сына, из вещей мужа. Утром Славка пришел. Он был у Щеголевой впервые.

— Садись, — сказал ему муж Веры Васильевны, — чаю хочешь?

Он стоял, ничего не отвечал. Он понимал, что ничего плохого ему здесь не сделают, что здесь ему желают только добра, но что-то внутри его сопротивлялось, казалось, какой-то голос говорил, что это доброе — минутное, равнодушное, вроде конфеты, которую сунет прохожий, сунет, улыбнется и уйдет, чувствуя себя хорошим человеком! Щеголева взяла сверток с вещами, протянула ему.

— Не возьму, — сдавленно сказал он.

— Как так не возьмешь? — удивилась Щеголева. — Мы всю ночь с мужем работали, а ты не возьмешь? Выходит, тебе на труд наш наплевать. Нет уж, у нас так не принято.

Когда Славка ушел, в комнате Щеголевой появился бдительный оперуполномоченный.

— Он ушел от вас с вещами?

— Да, — сказала Щеголева.

— Вот видите, что значит с такими знаться!

— С какими такими?..

— С нехорошей семьей подружились, товарищ Щеголева. Нездоровая атмосфера царит в этой семье.

— Вы плохой исследователь атмосферы, товарищ оперуполномоченный, — сказала ему Щеголева. — Атмосферу делаем мы сами. А ходить за ним не надо. И за вещи не беспокойтесь. Мы их специально для него приготовили, в пионерлагерь.

В ЛАГЕРЕ Славка постепенно оттаивал. Ничто не связывало его с московской жизнью, с матерью, с разговорами о сестрах. И было солнце, и зарядка по утрам, и хорошая кормежка. И только когда наступил в лагере родительский день, Славка затосковал.

Он сидел возле палатки, нестерпимо жаркой, вобравшей, казалось, все тепло этого длинного «родительского» дня, и играл на губной гармошке. Нескладно пиликала губная гармошка, и родители смотрели на него раздраженно, а некоторые даже шикали — не дает поговорить. Но он играл все громче и громче, и когда звук гармошки стал нестерпимым, он бросил гармошку в траву. И в этой короткой пронзительной тишине он услышал, как парнишка из их отряда кричит ему громко, словно глухому: «Твоя, твоя приехала! Твоя тебя ищет!»

— Как это... Как это моя? — тихо спросил Славка. — Ты спутал.

— Да что ты сидишь на месте? Ты что, мать не хочешь видеть? Твоя тебя ищет.

Славка медленно встал и пошел вперед. И там, впереди, в далеком солнечном просторе он увидел сухопарую фигуру, стремительно и твердо шагавшую к нему. Это была Щеголева. Он побежал к ней, быстро и суетливо, как бежали до него десятки детей навстречу своим матерям.

— А ты думал к тебе не приедут? А ты думал один останешься? — торопливым, сбившимся шепотом говорила ему Щеголева и развязывала какой-то кулек, и печенье падало на траву из ее взволнованных рук.

А потом они ушли вдвоем и говорили тихо, на простом, понятном языке родных людей, на языке, которому научила его эта женщина. И Щеголева говорила ему:

— Все это будет твоим — и река, и небо, все. Только надо любить людей и не бояться их, понимаешь? Люди хорошие, а плохие — это ошибка, исключение. Понимаешь, сынок?

— Понимаю, понимаю.

В ремесленном училище, где занимается Славка, никто не знает его истории... Только директор помнит, как несколько лет назад приходила к нему пожилая учительница и просила устроить мальчика в училище. Директор решил, что парнишка отметный и его классная руководительница, видно, хочет сбагрить трудного ученика... «Сплавляете», — с упреком сказал он ей.

И уж потом только он узнал, что эта женщина вовсе не классная руководительница. А сейчас никому нет дела до того, как и почему появился здесь Славка. Да и сам он неохотно вспоминает об этом. Не до того ему! Его хотят рекомендовать комсоргом, и он целые дни просиживает в библиотеке... Надо знать многое. Надо на многие вопросы ответить. И он, толком научившийся читать чуть ли не в тринадцать лет, жадно, стремительно впитывает в себя новое, незнакомое, удивительно интересное. Кроме того, в своем домоуправлении он организовал кружок «умелые руки» и зорко следит за тем, чтобы его ученики посещали занятия, выполняли задания. Он — другой человек!

ТАК пусть будет больше умелых рук, пусть будет меньше бед дела болтающихся мальчишек и девчонок!

И пусть от большой и звонкой реки нашей жизни не оторвется ни одна капелька. Сейчас буквально на Славкиных руках подрастает маленькая племянница — дочь сестры, отбывающей срок заключения. Славка не хочет отдавать ее в детдом.

— Мы ее воспитаем, — говорит он, — мы с Верой Васильевной.

Он знает, что для того, чтобы помочь человеку, не нужно никаких особенных героических действий, никаких удивительных поступков. Надо просто найти в себе особую теплоту, особую силу — силу душевного участия.

В этом Славка убежден. Этому научила его Щеголева.

ХУДОЖНИКИ за рулем

В пути. Рисунок В. Богаткина

В июле этого года группа московских художников: Владимир Богаткин, Всеволод Бурлаков и Алексей Шмаринов, участвуя как шоферы-любители в автопробеге «За мир и дружбу между народами», совершили поездку по Венгрии, Болгарии и Румынии. За время поездки художники сделали многочисленные наброски и рисунки с натуры.

Союз художников СССР и Дом дружбы с народами зарубежных стран организовали в Доме дружбы выставку работ художников — участников автопробега. Здесь представлено около ста путевых рисунков и акварелей.

— Это только часть рисунков и акварелей, сделанных нами в пути, — сказал В. Богаткин. — Мы старались как можно больше видеть, как можно полнее и интереснее рассказать о тех местах, где побывала наша автоколонна.

Любопытно, что Богаткин проехал по тем самым местам, где был вместе с наступающими частями Советской Армии в 1944—1945 годах.

Участвовавший в поездке живописец В. Бурлаков известен своими пейзажами, а молодой художник А. Шмаринов недавно закончил институт имени Сурикова.

У ГИДРОСТРОИТЕЛЕЙ СИБИРИ

Самая популярная профессия на Братской ГЭС — гидромонтажник. Труд гидромонтажников нелегок, требует, кроме умения, большой выдержки, мужества. Фотообъектив запечатлел один из обычных трудовых эпизодов строительства: на высоте более 70 метров бригада Ивана Дудченко монтирует блоки эстакады.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ДОВЕРИЕ ИЛИ ОПЕКА?»

Под таким заголовком в «Литературной газете» 21 мая 1960 года была опубликована статья Ю. Оклянского. В ней говорилось о канцелярско-бюрократических методах руководства соревнованием на звание бригад и ударников коммунистического труда в Куйбышевской области.

На Новокуйбышевском нефтеперерабатывающем заводе завком заочно лишил некоторые бригады звания коммунистических, не поставив их об этом в известность. В то же время ряду бригад наспех, без достаточных оснований присвоили звание коммунистических.

Как сообщил редакции председатель Куйбышевского областного совета профсоюзов В. Годовикин, статья «Доверие или опека?» обсуждалась на заседании президиума облпрофсовета.

В принятом постановлении отмечается, что в статье «Литературной газеты» «совершенно правильно подвергнуты суровой критике руководители и профсоюзные организации Новокуйбышевского нефтеперерабатывающего завода и Куйбышевской железной дороги. Правильно отражает статья недостатки в руководстве новым движением со стороны областного совета профсоюзов».

В постановлении указывается, что недостатки, отмеченные в статье «Доверие или опека?» по Новокуйбышевскому нефтеперерабатывающему заводу и Куйбышевской железной дороге, имеют место на многих других предприятиях и в обкомах профсоюзов области.

Президиум облпрофсовета указал председателю завкома тов. Деменко и директору Новокуйбышевского нефтеперерабатывающего завода тов. Касаткину на допущенные ими ошибки. Обращено внимание обкома профсоюза рабочих нефтяной и химической промышленности (председатель тов. Шевелев) на то, что он слабо руководил работой заводских комитетов, проглядел серьезные недостатки в развитии нового движения в большом коллективе нефтепереработчиков. В постановлении отмечаются неправильные действия президиума Куйбышевского дорпрофсожа (председатель тов. Коновалов), райпрофсожа Куйбышевского отделения дороги и отдела труда и заработной платы облпрофсовета (зав. тов. Корнеев), которые своевременно не реагировали на письмо группы машинистов локомотивного депо станции Кинель о формальном руководстве бригадами коммунистического труда, опубликованное в «Литературной газете» 12 декабря 1959 года.

В постановлении приведен развернутый перечень мер, направленных на устранение допущенных ошибок и недостатков.

Секретарь Новокуйбышевского горкома КПСС тов. Ф. Семенов сообщил редакции: факты канцелярско-бюрократического руководства соревнованием бригад коммунистического труда, изложенные в статье «Доверие или опека?», имели место.

Новокуйбышевским горкомом КПСС приняты меры к улучшению руководства соревнованием за коммунистический труд. Статья была обсуждена также на заседании парткома Новокуйбышевского нефтеперерабатывающего завода.

С ВЫСОТЫ НАСТОЯЩЕГО

В. ГОФФЕНШЕФЕР

В ТОТ день Куртатинское ущелье было забито овечьими отарами. Должно быть, кончился для овец летний курортный сезон, и их гнали с горных пастбищ в долину. По ущелью катились две реки: внизу бурный белопенный Физгдон, а повыше, по узкому уступу дороги, — золотистая пена мериносов, бегущих плотным потоком. Машина застряла в этом встречном потоке надолго. Отара обтекала ее двумя струями, одна из них выплеснулась на склон повыше дороги, другая текла вдоль обрыва.

Не успела пройти одна отара, как показалась другая. Впереди шёл старый чабан и держал в руке ломоть хлеба. Отщипывая хлеб, за чабаном шел баран-вожак, за бараном следовала отара. Овцы шли за вожаком, не страшась тарахтящей, подрагивающей от нетерпения машины. Надеясь проскочить, шофер не выключал мотора. Но стоило ему тронуться с места, как перед радиатором возник ладный долговязый паренек лет пятнадцати в старенькой барашковой шапке и пионерском галстуке. У подпаска были русые волосы и огромные синие глаза. Этими глазами он молча уставился на шофера. Сделав рукой запретительный жест, он застыл, как регулировщик на перекрестке. Около него, оскалив зубы, уселась огромная кавказская овчарка. Шофер выключил мотор. Сидевший около него товарищ от досады крякнул, — мы уже давно должны были быть в одном из горных колхозов, где под сенью древних боевых башен расцветала новая жизнь осетинских крестьян.

Уруймагова рассмеялась.

— Ничего, товарищи, потерпим! Смотрите, какое богатство движется, народное. Смотрите, какой парень стоит перед нами, прямо ангел у райских врат. А собака — для грешников, которые сунутся в рай без пропуска...

Эта пожилая женщина с продолговатым смуглым лицом и с проседью в гладко причесанных волосах, с большими глазами, в которых светился пытливый ум и живой темперамент, любовно глядела на отару, на подпаска, на собаку, и в ее смехе звучали неприкрытая радость и торжество... Только что она говорила нам о старом осетинском селе. И это был рассказ о себе, о своей юности, о «замурзанной девчонке», дочери крестьянина-бедняка из Дигоры. В рассказе о том, как эта девчонка стала просвещенным человеком и писательницей, была такая непосредственность, что рассказчицу никак нельзя было заподозрить в желании дать «материалы к биографии». Не писательница Уруймагова, а осетинская женщина, сама Осетия, рассказывала о своей судьбе — старой и новой — и радостно удивлялась этой судьбе.

И — если говорить о некоторых субъективных творческих факторах, — возможно, вот это удивление собственной судьбе и вызвало потребность осознать и показать в художественных образах исторический путь всего народа. Ведь факт, и факт очень характерный, что во всех наших молодых братских литературах заметно тяготение к историческим и историко-революционным произведениям. Это не бегство от современности, а наоборот, стремление познать корни современности. И если на первых порах это осуществлялось наивно и односторонне, — чтобы показать «мрачное прошлое» для оттенения «светлого настоящего», то ныне это делается не для наглядных сопоставлений, а для познания исторического процесса, для самопознания человека и целого народа в его движении к революционному перевороту, к коммунизму.

Езетхан Уруймагова задумала трилогию о жизни своего народа от начала до сороковых годов нашего века. Она успела издать лишь первую книгу своего романа — «Навстречу жизни». Вторая, незавершенная, появилась в 1956 году, уже после смерти писательницы. Она обрывается на событиях 1910 года. Но даже в таком виде — это широкое эпическое произведение, какого еще не знала осетинская проза.

...Я СКАЗАЛ «осетинская проза». А роман написан на русском языке! И здесь нельзя пройти мимо очень важного и сложного вопроса, касающегося не только осетинской прозы.

Мне представляется, что, если писатель пишет о своем народе, живет его жизнью и его думами, борется вместе с ним, — национальное своеобразие сказывается в его произведении — в том числе и в стиле — даже тогда, когда он рассказывает о своем народе по-русски. И в наше время мы воспринимаем, например, Эффенди Капиева и как интересного русского писателя, и как представителя дагестанской литературы. То же самое можно сказать и об адыгейце Темботе Керашеве, и о чукче Юрии Рытхэу, и о ряде других писателей. Так воспринимается нами и Езетхан Уруймагова.

В ее романе показаны разные слои осетинского общества: здесь и феодальная знать, сросшаяся с административно-полицейской верхушкой, и крестьянство, борьбе и судьбам которого в романе уделено много места, и буржуазия, и рабочие, и представители либеральной и революционной интеллигенции. Возникнув из самого жизненного опыта, этот роман в то же время немыслим вне опыта дореволюционной и послереволюционной осетинской литературы, обличавшей нравы буржуазно-феодального мира, и в еще большей степени — вне опыта русской литературы. Силой созданных ею образов и характеров представителей собственнического мира (семьи старозаветной хищницы-кулачки Саниат Гуларовой и семьи приспособившегося к новым условиям капиталистического развития хищника-дельца Сафы Абаева) она во многом обязана урокам пьес А. Н. Островского и главным образом урокам «Фомы Гордеева», «Дела Артамоновых», «Вассы Железновой» и других произведений Горького. Изображая процесс распада буржуазно-дворянского строя, Уруймагова изобразила и диалектически связанный с ним процесс революционного роста масс — крестьян и рабочих. В этом отношении интересен образ обездоленного крестьянина Темура Савкуева, одного из тех, кого помещик Туганов лишил земли. Труден и полон мытарств путь Темура. Он вынужден стать батраком — «временно проживающим». Человек, который сытому унижению предпочитает «пустой желудок, зато во весь рост человечий стоять, не на коленях жить», вызывает ненависть помещика и его холуев. Обвиненный в убийстве, которое на самом деле совершили его преследователи, он уходит в горы, становится абреком. В 1905 году Темур вместе с русским рабочим Ильей возглавляет борьбу односельчан против ограбившего их помещика. Но после подавления восстания он приходит к выводу, что абречество, индивидуальная месть, убийство отдельных угнетателей — не тот путь, который может дать людям счастливую жизнь. Мы расстаемся с Темуром в тот момент, когда он сближается с революционерами.

Когда я читаю произведения, подобные роману Уруймаговой, я думаю о той силе, которую дали советским писателям наша действительность и наше мировоззрение в познании и изображении прошлого. Эта сила позволяет без социологизирования, без публицистического нажима, одним изображением развития характеров в жестокой классовой борьбе дать представление о тенденциях исторического движения. И в осетинской литературе Уруймагова в этом отношении не одинока. Почти одновременно с ее романом появился роман Дабе Мамсурова «Поэма о героях». И по структуре, и по манере изображения он отличается от романа Уруймаговой. Если последняя отводит большое место изображению господствующих классов, то в центре романа Мамсурова стоит изображение деревенской бедноты. Наиболее интересным в романе Мамсурова является именно вот это, проникнутое жизненной правдой и психологической убедительностью изображение того, как жизненные невзгоды, личные столкновения с угнетателями формируют сознание бедняка Гаппо и его младшего брата Сосланбека, как эти герои постепенно осознают связь своего мирка и своих личных невзгод с противоречиями общества, где господствуют угнетатели, и как они, пройдя пусть более короткий, но тот же путь стихийного протеста и увлечения абречеством, познают, что только свержение этого общества может дать счастье им, их односельчанам, всему народу.

НЕДАВНО осетинская проза обогатилась еще одним произведением о прошлом, романом Тырбека Джатиева «Горная звезда» — о Коста Хетагурове. Мы не можем судить о романе в целом, но тот отрывок из него, который опубликован в только что вышедшем номере альманаха «Советская Осетия», интересен. Отталкиваясь от скупых строк корреспонденций Хетагурова и, в частности, его нашумевшей статьи «Неурядицы Северного Кавказа», Джатиев создал волнующую картину посещения Хетагуровым страшного острова Чечень, куда царские власти ссылали «на воспитание» кавказских горцев, проявлявших малейшее недовольство. Сама фигура Хетагурова, обаятельная, полная достоинства, чужда той ходульности, которой часто грешат изображения выдающихся поэтов прошлого. Он близок нам в своей человечности, в своей активной ненависти к угнетателям.

Прошлое живет в настоящем не только своими героическими традициями, устремленными вперед, но и своими мрачными пережитками, тормозящими наше движение в будущее. У народов, шагнувших в социализм из социальных условий, где капитализм переплетался с патриархально-феодальными установлениями и законами адата, эти пережитки ощущаются особенно болезненно. И большая заслуга в их разоблачении принадлежит покойному Татари Епхиеву. Мне кажется, что зря наши осетинские товарищи видят, главным образом, ценность его произведений в художественном решении проблем колхозного строительства. Своевременная очистка полей от бурьяна под пахоту, укрепление колхозной дисциплины и борьба против расхищения артельной собственности — вещи нужные и актуальные. Но для Епхиева это было лишь актуальным поводом для очистки душ человеческих от бурьяна прошлого. Этот писатель с добрым лицом и печальными глазами смертельно больного человека горел гневом против всего, что мешало движению вперед. И в его романе «Семья Цораевых», и в его рассказах-«колючках» речь идет не столько о внешних препятствиях, сколько о том, что засело в самом человеке.

Сочетание пережитков адата с «общечеловеческим», если можно так выразиться, мещанством, собственническим свинством и эгоизмом — вот что разоблачается им. Он делает это и когда изображает председателя колхоза Махамата, не только пренебрегающего интересами коллектива, но и расстроившего было семейную жизнь собственного своего сына Ислама, и когда он показывает истеричную мещанку Веру, отравляющую жизнь своему мужу Камболату. Для среды, где родственные отношения ставились превыше всего, самый факт изображения борьбы Ислама против отца и замены его на посту председателя — смелый шаг писателя в борьбе с пережитками прошлого.

...ОДИН из последних рассказов Максима Цагараева называется «Украденная песня». Это рассказ о том, как стяжатель и клеветник, из-за которого честный коммунист был на пятнадцать лет выключен из жизни и потерял семью, присвоил себе чужую славу и подкупом добился того, что о нем сложили песню. Но колхозники разоблачили самозванца и клеветника, отобрали у него украденные славу и песню, и презрение к нему было так велико, что он, как затравленный волк, бежал из села.

Читателю, не знакомому с описываемым в рассказе укладом жизни, этот случай может показаться надуманным, вычурной аллегорией. Но тот, кто знает, как велика роль песни в быту народов, в течение столетий не имевших своей летописи и литературы, песни, которая была и орудием борьбы, и предметом борьбы между угнетаемым народом и угнетателями, считавшими, что песню и певца можно купить, как табун коней или жену, — тот, кто знает об этой реальной исторической основе, высоко оценит рассказ Цагараева. Большая тема высокого назначения, нравственной чистоты и действенности искусства, тема борьбы против теней старого мира, пытавшихся замутнить песенную память народа, решена здесь на традиционном материале и посредством нового, очень актуального поворота этого материала.

И рассказ этот — напоминание об огромной роли, которую отводит народ художественному слову в созидании коммунизма, и свидетельство о плодотворном стремлении осетинских писателей к мастерству, достойному этой ответственной роли.

С большим интересом знакомятся москвичи с ярким и самобытным искусством Северной Осетии. На сценах Кремлевского, Малого, Центрального детского театра о в участники декады показали спектакли: «В родных горах» Р. Хубецовой, «Весенняя песня» Хр. Плиева, «Старик» М. Горького, «Крылатые» А. Токаева, «Я и мои друзья» А. Алексеева, «Фатима» К. Хетагурова, «Король Лир» В. Шекспира, «Лиса и виноград» Г. Фигейредо.

В Колонном зале Дома союзов под председательством Л. Соболева состоялось открытие литературной части декады. После вступительного слова секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС Б. Кабалоева выступили поэты, переводчики, артисты столичных театров. Участники вечера познакомились с новыми стихами Т. Балаева, Г. Гагиева, А. Гулуева, Д. Дарчиева, Т. Ефимцова, К. Казбекова, Г. Кайтукова, Д. Мамсурова, Х. Плиева, Г. Плиева, Т. Тетцоева. Г. Цагараева, А. Царукаева, М. Цирихова.

В минувшее воскресенье состоялась встреча осетинских литераторов с воинами Военно-Воздушных Сил. Сегодня литературный вечер будет проведен в Люберцах.

Вчера в Союзе писателей РСФСР началось обсуждение произведений осетинской литературы. В нем принимают участие многие московские писатели.

ГОЛОС, СОХРАНЕННЫЙ НАВЕКИ

РАССКАЗ о том, как Ильич в кустарно оснащенной студии «Центропечати» наговаривал свои знаменитые трехминутные речи — тексты более длительного звучания не умещались на граммофонных пластинках, — сам по себе интересен, поучителен и драгоценен для нас, как любая, даже самая небольшая подробность великой жизни. Акустическое восстановление голоса бесконечно дорогого нам человека, освобождение его волшебством современной электроники от искажений, шумов, наложенных на него временем, придание ему полноценного естественного звучания — это одно из замечательных достижений современной звукотехники.

Однако рассказывающая обо всем этом книжка Л. Ф. Волкова-Ланнита «Голос, сохраненный навеки» не только восстанавливает факты, но и озаряет их светом истории, позволяя тем самым в отдельных эпизодах, не претендующих на большую значительность, уловить какие-то новые грани близкого и дорогого человеческого портрета и яркие черты эпохи.

Л. Ф. Волков-Ланнит широко пользуется в своем повествовании свидетельствами и воспоминаниями современников. Из простого и внешне безыскусственного рассказа о том, как Ленин готовился к записям своих речей, прорисовывается яркая характеристика Ленина-оратора, пропагандиста-массовика. На страницах книги оживает тот близкий массам, родной им Ильич, который, по меткому слову Н. К. Крупской, «...подходил к рабочему, к крестьянину-бедняку и середняку, к красноармейцу не свысока, а как к товарищу, как к равному. Они были для него не «объекты пропаганды», а живые люди, много пережившие, над многим думавшие, требующие внимания к своим запросам. «Он говорит с нами всерьез», — говорили про него рабочие и особенно ценили его простой, товарищеский подход».

Вот почему эта маленькая книжка привлекает не только тщательно собранным документальным и познавательным материалом. В ней историческое исследование и научная популяризация органично переходят в очерк, пронизываются раздумьями публициста.

Книжка «Голос, сохраненный навеки» — приметный след многолетней работы серьезного знатока истории нашей звукозаписи со времени ее возникновения, как аттестует автора в своем предисловии лауреат Ленинской премии Н. Погодин. Хотелось бы рассматривать эту маленькую книжку как творческую заявку на большой и содержательный литературно-исторический труд, адресованный в духе ленинской традиции подлинно массовому читателю.

О. ПИСАРЖЕВСКИЙ

Л. Ф. Волков-Ланнит. «Голос, сохраненный навеки. Как записали и восстановили речи В. И. Ленина». Издательство «Искусство». 1960.

ОПЫТ СЕРДЦА

НАТАЛЬЯ Астафьева работала учительницей и бухгалтером, воспитательницей в детдоме и товароведом в торговой точке, «мыла полы и стирала рубахи, была штукатуром, копнильщицей, пряхой». Юность ее поколения — юность, испытанная войной: не пулями, так голодом. А что касается детства, отец поэтессы — польский революционер, коммунист (времен панской Польши), поэтому:

Мне не квартиру и не вещи,
волнуясь, оставляет детство —
отцом и матерью завещана
мне Революция в наследство.

Я начал с «анкетных» сведений об авторе, ибо в заметках о первом сборнике Астафьевой термином «лирическая героиня» пользоваться трудно, настолько вся книга — о себе. И хочется сказать сразу: тут себя не придумывают. Я говорю не о формальной биографической точности. Я говорю о претворении опыта судьбы в опыт сердца. Когда знаешь, что такое настоящая боль, настоящая радость, — позировать нет нужды.

Поэзия Астафьевой — поэзия прямых и сильных душевных движений. Получувств нет: счастье — так счастье, беда — так беда.

Отсюда неосведомленность по части внешних эффектов. Потребность быть краткой. Подлинные порывы, как правило, немногословны.

Разумеется, одно то обстоятельство, что «краткость — сестра таланта», еще отнюдь не обязывает талант быть краткости братом. Чтобы талантливо писать, надо прежде всего талантливо жить. Ничто не дается даром, если хочешь творить по принципу «здесь человек сгорел», — приходится действительно сгорать. Вот так, например:

Помнишь, близость завязалась
желтым узелком?
Я с тобой в те дни встречалась,
словно рожь с ножом...
Как большую рожь, под горло
ты меня косил,
осыпая слезы-зерна,
на руках носил.

— Позвольте, — перебьют меня, — при чем же тут «талантливо жить»? Ведь это сугубо «личный план»!

Да, «личный»! Да, можно быть образцовым отцом семейства и тормозить внедрение комплексной механизации. И — наоборот — можно ежемесячно вносить по пять рацпредложений и каждый вечер плевать соседке в кастрюлю с супом. Все это бывает. Но ведь все это — не норма. Это отклонения от нее. Самозабвенной нежности «в плане личном» и вдохновенному служению «в плане общественном» все-таки более свойственно жить под одной грудной клеткой. Смотрите:

Прийти как первооткрыватель,
сменить на плотный ватник
платье
и протянуть при встрече —
тронь —
шероховатую ладонь.
Я все равно туда поеду...
И самосвал пройдет по следу,
и след затопчут до утра
медлительные трактора.

Я не собираюсь утверждать, что это — шедевр. Вообще в лирике гражданственной поэтесса далеко еще себя не нашла. Прямота ее порой переходит в несколько декларативную прямолинейность, «взгляд в корень», широкий охват явлений ей пока не по плечу. Но очень важного (вероятно, самого важного) она уже добилась: ей веришь. И простенькая строчка: «Я все равно туда поеду...» — хватает за душу. Ничего не поделаешь — правда... Не просто правда факта — правда характера.

Главное в человеке всегда даст себя знать. Тем и подкупают стихи сборника, в которых интонация у поэтессы самая «своя», стихи зачастую, казалось бы, очень интимного звучания.

Помню, у Кина, в его изумительном романе «По ту сторону», комсомолец гражданской войны Матвеев сказал девушке, предавшей его любовь: «От этого не умирают»... И вот я читаю у Астафьевой:

За десять дней на нашей даче —
трава по пояс, цветы с кулак.
Я слышу, птицы в листве судачат,
что наше дело с тобой — табак.

Та же грубоватая «мужская» усмешка. Мгновенный защитный рефлекс. «От этого не умирают». Есть вещи поважней.

Ханжеством здесь и не пахнет. За грубоватой усмешкой — теплое, легко ранимое сердце. И, конечно же, оно стучит по-разному, и когда оно счастливо или предчувствует счастье, совсем не обязательно говорить об этом «по-мужски»:

Захотела я простого
счастья женского, и что же,
ничего в том нет плохого,
в том, что я на всех похожа.

Только один-единственный раз за весь сборник поэтесса, обманывая себя и нас, начинает вдруг произносить нечто чужое и вымученное:

Я еще продолжала жить,
говорить с тобой полчаса,
чьи-то сплетни о нас ворошить..., и т. д.

Хочется тут же встать и адресовать автору небольшой внутренний монолог:

— Товарищ автор! Все мы «на всех похожи». «Простое счастье» — чертовски нужная штука. Очень тяжело, когда его нет, еще тяжелее, когда оно приходит, а потом уходит. И все-таки... Продолжайте жить! Вы же сами знаете... «От этого не умирают». А за что умирают — вы тоже знаете. Не хуже меня.

За черным-черным небом
есть красная страна.
Там наполняют хлебом
кошелки дополна.
Там земли без ограды
и без замков сердца.
Туда последним взглядом
глядят глаза отца.

Большое стихотворение о детстве, о погибшем отце — последнее и лучшее в книге. И кажется: все лучшее в книге врывается в этот захватывающий драматический финал, обретая в нем удесятеренную жизнь.

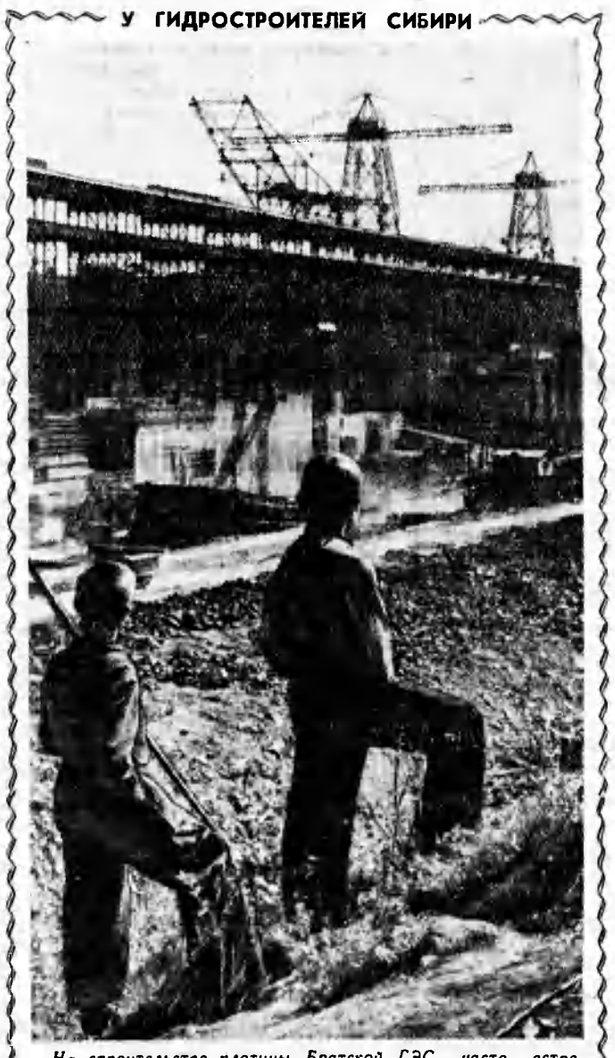
Что ж, книга не могла так не кончиться, вспомним слова, которыми она открывалась:

Да, не квартиру и не вещи,
а Революции начало,
ее порыв и человечность
беречь
мне детство завещало.

С. ЛОМИНАДЗЕ

Н. Астафьева. «Девчата». Стихи. Издательство «Молодая гвардия».

У ГИДРОСТРОИТЕЛЕЙ СИБИРИ



На строительстве плотины Братской ГЭС часто встречаешь юных жителей юного города. На их глазах, вместе с ними, растут сооружения гигантской электростанции. Ребята еще учатся, но недалеко то время, когда они станут рабочими новых предприятий, которые возникнут в районе ГЭС.

БРАТ ЧЕКМАРЕВА

НАКАНУНЕ Декады искусства и литературы Северной Осетии издательство «Молодая гвардия» выпустило в свет книгу стихотворений и поэм Мисоста Камбердиева.

Мисост Камбердиев умер почти тридцать лет назад. Ему было тогда двадцать два года. С портрета, предваряющего книгу, глядит красивый и пламенный юноша в ионштурмовке. Таким же он последовательно, от первой до последней строки представляется читателю его стихотворений. Это комсомольский джигит, джигит революции.

Его талант, его облик, его судьба, его отношение к жизни и отношение к нему в Осетии дают мне право назвать его братом Сергея Чекмарева — русского комсомольца, талантливого поэта-патриота, погибшего в двадцатитрехлетнем возрасте. В Камбердиеве жили та же целеустремленность, та же храбрость, та же естественная потребность бороться со всеми темными силами мира, то же настоящее революционное новаторство.

Не теряя национального литературного своеобразия, он смело обращался с технологией поэзии не как ученик русских поэтов конца двадцатых и начала тридцатых годов, а как их полноправный соратник. Камбердиев активно интересовался жизнью всей страны и всего мира. У него есть стихотворение, громящее ленинградскую оппозицию, есть стихотворение международного характера о будущих битвах рабочего класса. И эта широта его интересов ничуть не мешала ему любить свою Осетию, рисовать ее людей и ее пейзажи, вспоминать о ее прошлом и громогласно радоваться всем приметам новой действительности своего края.

В каждом стихотворении он — агитатор, он — личность. Все прошлое и настоящее он видит с позиций комсомола.

У каждого народа есть свои традиции. И каждое новое поколение обязано уважать их. Но это означает не слепое подчинение им. В Осетии, как я успел заметить за кратковременное пребывание там, традиция уважения к старшим имеет до сих пор почти ритуальный характер. Какую же надо было иметь гражданскую смелость, чтобы тридцать лет назад сказать во всеуслышание: «И, приходя на большие собрания, спорю со старшими я!». Это сказал Камбердиев!

В одном из писем Коста Хетагурова я с наслаждением прочитал следующую фразу: «А стихи я пишу только в такое время, когда потребность высказаться всецело охватывает все мое существо». Эту или подобную ей фразу мог написать (а может быть, и написал) в одном из своих писем Мисост Камбердиев. За свою краткую, молниеносную жизнь Камбердиев создал немало: в его творческом наследии есть поэмы и стихотворения, написанные на осетинском языке, есть много стихотворений, написанных по-русски (он учился в Москве на литературном отделении рабфака искусств), есть проза и еще не опубликованные дневники. И все, что мне удалось прочесть, продиктовано постоянной потребностью вмешаться в жизнь, активно участвовать в ее переустройстве. Читая стихотворения Камбердиева, физически ощущаешь эту его потребность высказаться, высказаться не для того, чтобы убедить людей в своем таланте, а для того, чтобы средствами таланта убедить людей.

В послесловии к книге К. Гутнев говорит, что стихи Камбердиева, написанные много лет назад, казались поэтическим откликом на жгучую тему дня в годы Отечественной войны. Присоединяясь к этому заявлению, я хочу применить его и к сегодняшним временам. Если бы я не знал, что Камбердиев умер уже давно, то думал бы о нем, как о современном боевом поэте.

Когда Камбердиев в «Песне тревоги», прекрасно переведенной В. Шефнером, пишет:

Гей, молодость, лети вперед,
Скачи в долины с гор,—
Набат! Набат! Страна зовет
На молодежный сбор!

— эти строки звучат донельзя современно. И когда он в стихотворении «Ущелье», написанном по-русски, говорит:

Но, будь через месяц иль
будь через год,
Я знаю, что мечу недаром.
Я знаю, что жертва моя
упадет
Под ловким и метким ударом.

— мы знаем, что это действительно так, и всей силой своего сердца, подтвержденной ходом времени, строго и значительно повторяем эти строки.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

М. Камбердиев. Стихи и поэмы. Издательство «Молодая гвардия».

У ГИДРОСТРОИТЕЛЕЙ СИБИРИ

А этот снимок с другой гигантской новостройки Сибири — Красноярской ГЭС. С каждым днем ширится фронт работ на строительстве. Круглые сутки на дне Енисея работают экскаваторы, непрерывной лентой тянутся десятитонные грузовые машины. Они вывозят грунт, подготавливая котлован для здания гидростанции.

Фоторепортаж А. Лидова

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Артищев В. Степное чудо. Повесть. Свердловское книжное издательство. 68 стр. 30 000 экз. 80 коп.

Горбачев А. Сельский врач. Роман. Оренбургское книжное издательство. 410 стр. 60 000 экз. 7 руб. 35 коп.

Залыгин С. Простые люди. Рассказы. Тюменское книжное издательство. 191 стр. 8 000 экз. 4 руб. 40 коп

Казакова М. Я вступаю в жизнь. Повесть. Тульское книжное издательство 104 стр. 10 000 экз. 1 руб. 60 коп

Мельников Н. Я нашел тебя, отец. Роман. Брянск. Издательство «Брянский рабочий». 211 стр. 10 000 экз. 5 руб.

На костромской земле. Литературно-художественный сборник. Костромское книжное издательство. 99 стр. 10 000 экз. 4 руб. 60 коп.

Плям М. Топорок. Рассказы. Краснодарское книжное издательство. 92 стр. 5 000 экз. 1 руб. 40 коп

Проймин К. Ночной костер. Рассказы. Краснодарское книжное издательство. 112 стр. 5 000 экз. 1 руб. 50 коп

Рельский Д. Степные дали. Роман. Ставропольское книжное издательство. 365 стр. 15 000 экз. 8 руб. 20 коп.

Рыбаков М. Лихолетье. Роман. Калининское книжное издательство. 218 стр. 15 000 экз. 5 руб. 20 коп.

Семин В. Шторм на Цимле. Рассказы. Ростовское книжное издательство. 124 стр. 5 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Сластников Н. Счастье Лины Шуляковой. Повесть. Пермское книжное издательство. 158 стр. 15 000 экз. 4 руб. 25 коп.

Шитов М. Оправданные надежды. Роман. Лениздат. 414 стр. 10 000 экз. 8 руб. 40 коп.

Шульчев В. Жить, побеждая!.. Стихи. Предисловие В. Гордейчева. Воронежское книжное издательство. 66 стр. 2 500 экз. 1 руб. 10 коп.

Рисунок А. Ванециана

ГЛАШАТАЙ

К 25-летию со дня смерти Анри Барбюса

ТРИУМФАЛЬНАЯ арка. Прекрасные барельефы скульптора Рюда, которые высоко ценил Роден. «Марсельеза». Устремленная вперед женщина с мечом в руке вдохновляет на бой солдат революции. Прекрасно в этом барельефе сочетание борьбы, порыва, движения и мужественного, строгого реализма солдатских образов. Суровые воины-бородачи, похожие на грубоватых, прошедших огонь и воду солдат Барбюса.

У Триумфальной арки, средь бронзовых плит, могила Неизвестного солдата. Неугасимый огонь. Ранней весной Никита Сергеевич Хрущев возложил на могилу венок, и цветы долго пламенели у Триумфальной арки.

Кто был этот солдат? Имя его неизвестно. Он был, несомненно, одним из суровых барбюсовских пуалю с барельефа Рюда. Одним из тех «павших рядом со мной под Круи и на высоте 119», памяти которых посвятил свою знаменитую книгу «Огонь» Анри Барбюс.

Книга была написана языком солдата. Барбюс сохранил подлинный колорит языка французских фронтовиков. Максим Горький сказал, что «Огонь» Барбюса, насыщенный суровой поэзией правды, изображает мужество народа, мужество сотен тысяч, миллионов людей, обреченных на смерть и уничтожение великим провокатором народов — капиталом. Уже после смерти ее автора Горький писал, что эта книга одна из первых, которые за пятнадцать лет отрезвили многие тысячи голов, опьяненных кровью. Высокую оценку книге «Огонь» дал Владимир Ильич Ленин, по предложению которого она была переведена на русский язык. Одной из лучших книг французской литературы назвал ее Анатоль Франс; большую и яркую статью о ней написал Ромен Роллан. Она нашла свой путь к миллионам солдатских сердец.

И вместе с тем это была книга о будущем, книга высокого интернационализма. Барбюс говорил в ней о том, что нужно сделать, чтобы труженики битв по обе стороны окопов вместе повернули свое оружие против тех, кто их толкает на империалистическую бойню. Уже этим одним книга Барбюса отличается от всех пацифистских книг о войне 1914 года. Это книга человека, который знает, за что нужно бороться, который, показав войну, нашел путь к борьбе против этой войны.

Как рассказывает Леон Муссинак, Барбюс мечтал создать фильм по роману «Огонь». Он хотел придать этому фильму интернациональное звучание. В одном из своих писем он заметил, что Ремарк был огорчен фильмом, снятым по его книге в Америке, так как в нем непомерно подчеркнуты националистические и антинемецкие тенденции. (Кстати сказать, роман Ремарка «На западном фронте без перемен» вышел в свет через добрый десяток лет после книги Барбюса.) «Мы не имеем права, — писал Барбюс, — давать нашим противникам возможность использовать трагедию империалистической войны для фабрикации фильма, искажающего великие перспективы действительности»...

Когда в 1925 году началась война в Марокко. Барбюс и десятки прогрессивных писателей опубликовали манифест «Против войны в Марокко». Манифест был напечатан на обратной стороне репродукции с картины Теофиля Стейнлена «Цивилизация». По пустыне, залитой кровью, по трупам марокканцев движутся империалистские банды...

Сто французских писателей подписались под этим манифестом. Среди них были и Роллан, и Арагон, и Элюар.

Барбюс страстно, всегда и везде, боролся против колониализма.

Возвращаясь из Соединенных Штатов Америки, смотря, как уходят вдаль ряды небоскребов, глядя на статую Свободы, мимо которой проходил пароход, Барбюс заметил: «Одного негритянского вопроса, мерзости, ужаса и жестокости закона Линча (если можно применить слово «закон» к этим проявлениям бесстыдного средневекового бандитизма) было бы уже достаточно, чтобы эта статуя выглядела, как кощунство...»

Он был частым гостем Советского Союза. В защиту Советского Союза он написал немало книг и статей. Приезжая в Москву, Барбюс продолжал здесь свою повседневную работу. Он говорил нам как-то, что воздух Советской страны оказывает на него целебное действие. Он глубоко вдыхает воздух свободы, и потом это долгие месяцы помогает ему жить в удушливой обстановке западноевропейской ярмарки на площади. Барбюс приезжал в СССР работать. Его комната в гостинице «Метрополь» напоминала поле сражения. Клубы дыма заволакивали очертания предметов. Барбюс мерил большими шагами комнату, непрестанно курил, закуривая папиросу от папиросы, диктовал, говорил, выслушивал посетителей, обменивался короткими репликами с друзьями. Он как бы обозревал весь мир, следил за боевыми схватками в Европе и в Азии, в Австралии, Америке, в Африке.

Одному из своих романов он собирался дать заглавие «Глашатай». Таким глашатаем правды, глашатаем мира он сам был всю жизнь. Он сражался с врагами народа, врагами прогрессивного развития человечества, всегда был во главе лучших, передовых сил мировой интеллигенции в борьбе против фашизма, в борьбе с поджигателями войны. В последние дни своей жизни, уже пораженный болезнью, находясь в Москве, он каждый день разговаривал по телефону с Парижем. Он требовал посылки специальной делегации в Эфиопию, чтобы разоблачить империалистических захватчиков. В Кремлевскую больницу приходили тысячи писем со всех концов света. Рабочие, учителя, писатели, старые друзья по фронту и сотоварищи по борьбе с фашизмом беспокоились о здоровье Барбюса. Писали из Парижа и из Свердловска, из Артека и с побережья Средиземного моря. Желали ему поскорее вернуться в строй. Впрочем, и больной он оставался в строю до последней минуты своей жизни.

Он умер поздним летом 1935 года в Москве... Мы провожали его в последний путь в Париж... И среди друзей, которые несли его гроб, был секретарь Московского комитета партии Никита Сергеевич Хрущев.

А потом перед ним открылись ворота Пер-Лашез. Париж не видел такого количества народа на улицах со времени смерти Виктора Гюго.

Он лежит у стены Коммунаров. На его могиле — бронзовые лавры, обелиск из розового мрамора, присланный рабочими Урала.

Прекрасно сказал о нем Ромен Роллан:

«Барбюс вошел в легенды веков... Он переступил пределы литературной славы, уготованной великим писателям. Он сохранил свое место в борьбе человечества. Он жив».

Александр ИСБАХ

КАК Я РИСОВАЛ АНРИ БАРБЮСА

ВПЕРВЫЕ я увидел А. Барбюса в Музее революции СССР. Его высокая, худая и несколько сутулая фигура с узким, тонким лицом и седеющей шевелюрой (волосы упрямо падали прядями ему на лоб) привлекла мое внимание. Я сразу узнал в нем автора книги «Огонь», потрясшей меня своей мужественной правдой и гуманизмом.

Музейные работники передали ему мое горячее желание рисовать его. Барбюс любезно согласился, сказав при этом, что приехал в СССР на очень ограниченный срок.

В назначенное время писатель приветливо встретил меня в своем номере гостиницы «Савой». Он тут же озабоченно засуетился, стал переодеваться, искать галстук, а затем пытался причесать густую непослушную шевелюру. Трогательное внимание к художнику меня несколько смутило, так как всемирно известное имя Барбюса совершенно не нуждалось во «внешнем оформлении».

По мере того как А. Барбюс углублялся в свою работу над будущей книгой, он принимал все более естественный и непринужденный вид, а временами, возможно, и вовсе забывал о моем присутствии.

Однако когда он замечал, что я напряженно работаю над тем или иным его положением, он старался по возможности сохранить эту позу с явным желанием облегчить мою задачу. Эта деликатность и внимательная чуткость к работе безвестного для него художника меня глубоко трогали.

Закончив зарисовки, я поблагодарил Барбюса и предложил ему выбрать для себя какую-либо из моих работ, которую он считает более интересной. А. Барбюс сделал это, а на некоторых рисунках поставил свой автограф.

Перед прощанием Барбюс выбрал из большого количества своих фотографий одну, подарил ее мне, сделав короткую дружественную надпись на французском языке.

А. ВАНЕЦИАН

Пабло НЕРУДА

ВОПЛОЩЕНЬЕ СЛАВЫ

В гаванской газете «Нотисиас де Ой» был недавно опубликован отрывок из новой поэмы Пабло Неруды, посвященной кубинской революции. Во вступлении Пабло Неруда пишет:

«Пусть кубинцы знают, что они не одиноки, что все наши народы поддерживают знамя освобождения Кубы. Наше признание Фиделю и делу народному, которое является и нашим делом...»

...Фидель, тебя благодарит народ,
Твои дела достойны славной песни.
А я издалека принес тебе без лести
Вином наполненную чашу.
Но то вино — кровь моего народа,
Шахтеров тех, которые в земле
Веками добывают жаркий пламень.
Они идут за ним, как привиденья
Во мраке вечной ночи.
Ведь у них украли светоч дня...
Ты держишь чашу, полную страданий,
Веселье, заключенное в тюрьму.
Живущие во мраке да поймут:
Весна надежды расцвела на Кубе
И аромат ее разносит вольный ветер...
Кто борется, всегда достигнет света!
На Кубу с юга приезжают горняки,
И пампы одинокие сыны,
Добытчики серебряной струны,
И Патагонии холодной дети,
И те, кто обручен колечком медным
С горой Чукикамата,
И женщины с полей, из дымных мастерских,
Живущие в селениях тоски,
И дети, не имеющие детства...
Возьми, возьми, Фидель, ты эту чашу
И пригуби ее,
Тогда узнаешь ты
Народов всех надежды и мечты,
Которые в твоей победе воплотились,—
Она подобна старому вину
моей отчизны,
Ведь гроздья многих лоз ей сок отдали,
И руки многих бедняков взрастили эти лозы...
Напоенная соком, расцвела
И стала Куба воплощеньем славы,
Борьбы народов долгой и кровавой.
И если вдруг на Кубу нападут,
Достанем сбереженное оружье
И защитим возлюбленную Кубу.

Перевели Ю. ПОПКОВ и Т. ХАИС

Весна надежды расцвела на Кубе

Говорят поэты Латинской Америки

Сарандн КАБРЕРА

НЕ ЗАБУДЕМ

Видный прогрессивный уругвайский поэт Саранди Кабрера свои «Кубинские десятистишия», изданные недавно с иллюстрациями автора в Монтевидео, посвятил героическому кубинскому народу. Мы публикуем одно из десятистиший, взятое нами из гаванской газеты «Нотисиас де Ой», куда поэт прислал свои стихи для напечатания.

Кто видел пальмы на Кубе,
кто видел на Кубе звезды,
кто воздуха Кубы, воздуха
свободы хоть раз пригубил,
тот вспомнит людей на Кубе.
Да, пальмы — не наглядеться!
Да, звезды — словно из детства!
Но люди на Кубе... О люди —
вовек мы их не забудем —
вот Куба с победой в сердце!

Перевел Л. СЕРГЕЕВ

Абелардо ВИСИОСО

ПРИХОДИТ ВРЕМЯ ЗАРИ

Известный доминиканский поэт Абелардо Висиосо заявил, что сотни молодых людей томятся на его родине в тюрьмах, но, несмотря на страшные репрессии, доминиканцы солидарны с Кубой.

Публикуемое стихотворение напечатано в газете «Нотисиас де Ой».

Где, когда, по какой из дорог
ушли страны своей сыновья,
ушли, чтобы не возвратиться?
Во тьме растаяли их голоса,
их прах развеяло по земле,
но, замешенное на их крови,
встало утро свободы.

О Куба, как ярок твой первый свет!
Крылья бесстрашных твоих голубей
нашими крыльями стали.
Наши великие мертвецы
говорят устами твоими.
Черная ночь, беспросветная ночь
теряет последние шпаги.
И начинается время зари,
яркой, неукротимой зари
грозное полыханье.

О Куба, Санто Доминго с тобой
неистребимо и безвозвратно:
слишком свежи еще в сердце моем
горе его и заботы.
Нет, неспроста. О, неспроста,
Куба,
радость твоя и заря
стали надеждой, стали мечтой
улиц наших пустынных.

Перевел П. ИГОРЕВ

ХОРХЕ ЭНРИКЕ АДОУМ

КУБА—НАШЕ БУДУЩЕЕ

Из речи эквадорского поэта Хорхе Энрике Адоума, лауреата почетной премии «Каса де Америкас», произнесенной перед студентами университета в Кито.

Каждый раз поэты устремляются туда, где народ сражается за свободу. Поэты всего мира были в Испании в решительный час ее борьбы, лучшие поэты боролись и за судьбу Гватемалы. И когда не хватало одной песни, — разве можно только одной песней сломить жестокость и несправедливость? — они отдавали свою жизнь. Так умер лорд Байрон на земле Греции, так пал от руки нацистов французский поэт Сен Поль Ру, так погиб великий Гарсиа Лорка, имя которого возглавляет длинный перечень поэтов Испании, казненных врагами свободы.

Говорят, что независимость — единственная опора для души поэта. Да, поэт не может творить без свободы. Но подлинная, святая свобода для развития творческой личности не есть, как это утверждают некоторые «знатоки», отсутствие идеалов и политических убеждений, отсутствие партийности и солидарности с народом. Мы, поэты, не можем быть свободными, пока порабощен наш народ.

Наша свобода — это неотъемлемая часть святой свободы крестьян, рабочих и студентов. Мы не причисляем себя к гениям, мы — просто люди. Мы не достигли совершенства, но мы честны, и потому нас волнует судьба Кубы, ее свобода и будущее. Это — будущее нашего народа, нашей родины и нашего искусства.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЯПОНСКОЙ ВЫСТАВКЕ

МНЕ было приятно увидеть в Сокольниках японский флаг среди русских сосен.

Красный круг на белом фоне... Я ощутил этот символ, как привет страны, хоть и далекой, но соседней.

Хочу до конца быть искренним: первый взгляд на этот флаг заставил меня предаться своим, подчас не очень веселым мыслям... Мне трудно отвлечься от чувств, пережитых тем поколением, к которому я принадлежу. Я очень люблю Владивосток, и мне тяжко совмещать в своем представлении Светланскую улицу восемнадцатого года и этот багровый круг на белом поле.

Но наша идеология научила нас различать вещи, выделять главное.

Первый раз я увидел японский флаг тоже на выставке и тоже в Москве. Не помню, почему он висел на мачте среди павильонов Сельскохозяйственной выставки осенью 1923 года — против нынешнего входа в Парк культуры и отдыха имени Горького. Я был со школьной экскурсией, и учительница сказала нам.

— Японию постигла беда, там страшное землетрясение, гибнут тысячи людей. Снимите шапки.

А японская армия в то время продолжала оккупацию Северного Сахалина. И еще года не прошло, как она покинула Владивосток...

Флаг — символ нации. Что бы там ни было, основу нации составляет трудовой народ. Японский народ вызывает у нас чувства уважения и дружбы. Нет сомнений, что простые японцы относятся к нам так же.

Привет тебе, Япония!

НА стендах значится: Тайо рейон компани, капитал 12 000 000 000 иен... Тейкоку компани, капитал 5 556 600 000 иен... На советского человека эти длинные нули не производят никакого впечатления. Суть дела ему известна: станки, приборы, ткани созданы инженерами и рабочими. Мы видим натруженные, восприимчивые, неутомимые руки народа, который быстро высвободился из тенет вековой изоляции, отсталости, ужасающей феодальной косности и поднялся к современной технике.

Показанное современно: электроника, полупроводники, синтетические материалы, автоматика.

Выставлены карманные радиоприемники, «крайне мелкие», как сказано на стенде, и объяснения к ним дают магнитофоны.

У судов, по производству которых Япония заняла в 1956 году первое место среди капиталистических стран, — новый, современный облик; они, например, лишены мачт в старом понимании.

Ткани носят марсианские названия: тетороновая, амилановая, куралоновая, тевированная... Веревки, вошедшие в знаменитую басню Хемницера о «метафизике», свалившемся в яму, как образ вещи «слишком уж простой», — и те стали теперь винилоновые, полиэтиленовые, хлористовинилиденовые.

Выставка вызывает уважение к японскому народу, который живет нелегко и все же создает такие вполне современные вещи.

ГОД назад здесь же, в Сокольниках, на американской выставке мы тоже видели немало интересного. Но там посетителю мешал выпиравший наружу политический расчет, стремление убедить не в добротности американских товаров, а в добротности «американского образа жизни». На японской выставке этого не чувствуешь. Если есть реклама, то не «идеологическая», а коммерческая.

На немой призыв выставки хочется ответить:

— Ну, за чем же дело стало? Давайте исправим отношения, ныне, к сожалению, омраченные не по нашей вине, — и торгуйте, мы готовы. Устраните препятствия, которые не от нас зависят, — и больше везите своего, больше покупайте у нас. Всем пойдет на пользу.

...Меж берез и сосен виден красный круг на белом фоне.

Н. Н. МИХАЙЛОВ

ИХ РУКИ В КРОВИ

До какой наглости дошли колонизаторы в Конго! Пытаясь оправдать свою агрессию, они распространяют самые невероятные небылицы о грабежах и насилиях конголезцев над белым населением. Но в действительности десятки и сотни тысяч конголезцев стали жертвами жестокой «цивилизации» веревочной петли и штыка.

Можно привести длинный список преступлений, которые совершили бельгийские колонизаторы в Конго. Перелистаем страницы истории... Нельзя читать без содрогания свидетельские показания англичан, французов, швейцарцев, живших в Конго во время колониального режима. Вот некоторые из этих свидетельств.

1894 год.

«Двадцать одна отрубленная голова была доставлена в Стэнли-Фоллс и использована капитаном Ромом в качестве бордюра для цветочных клумб, расположенных перед его домом».

ГЛЕЯВ,
английский путешественник

1895 год.

«Есть вещи, о которых я хочу сообщить вам. Речь идет о действиях сторожевых отрядов... Вы помните, что не так давно они захватили одиннадцать лодок и расстреляли несколько человек из племени икоко. В качестве доказательства расправы они принесли... несколько отрубленных рук, из которых три были ручонками маленьких детей. От одного гребца мы узнали, что один ребенок был жив, когда ему отрубили руку, но мы не поверили его рассказу. Три дня спустя нам сообщили, что этот ребенок все еще жив и находится в кустах. Я послал туда своих людей, чтобы убедиться в этом, и они принесли маленькую девочку. Правая рука у нее была отрублена...»

«Сколько людей убито ради получения каучука, я не знаю, но могу сказать одно: их было очень много».

КЛАРК,
американский миссионер

1898 год.

«Я убил сто шестьдесят африканцев — мужчин, женщин и детей, — отрубил руки у шестидесяти других, распинал женщин и детей, калечил мужчин».

ЛАКРУА,
агент треста «Анверсуаз»

1906 год.

«Полный список преступлений, которые составляли основу действий агентов «Анверсуаз», сообщает

убито 150 человек и отрублено 60 рук;

отрубили половые органы и головы;

на шестах палисадников вывешивали черепа;

африканцев расстреливали из револьверов;

убивали туземных вождей;

60 женщин были заключены в тюрьму с кандалами на руках и умерли от голода».

МОРЕЛЬ,
английский чиновник

«Головы были отрублены и принесены главному чиновнику. Он послал людей, чтобы они отрубили еще руки... Эти головы и многие другие я видел собственными глазами».

КЭМПБЕЛЛ,
шотландский миссионер

1910 год.

«Крики, извивающиеся тела, завывания, вся картина страданий стала для меня более необходимой, чем пища, табак, алкоголь. Я знаю теперь анатомию лучше, чем наш доктор. Я знаю наиболее чувствительные места человеческого тела, удары по которым заставляют испускать наиболее пронзительные крики... Мне нравятся гримасы этих чернокожих, когда их секут. Часто при виде их лиц и глаз меня охватывает желание залиться громким смехом».

БЮЗЭРТ,
сержант бельгийских колониальных войск

«Раз! Гибкий ремень, просвистав в воздухе, ложится на тело несчастного с сухим треском, и все члены его приходят в содрогание. На спине виден синий рубец. Два! Вторая полоса, третья, и, наконец, вся коричневая спина жертвы оказывается исполосованной. Проступает кровь. Учащенные удары превращают спину негра в сплошную кровавую рану, брызги крови разлетаются во все стороны, покрывая пурпурными пятнами голубые мундиры солдат...

Нет ни одного чернокожего в этом «независимом государстве», который не имел бы на своей спине рубцов — следов этого ужасного орудия. В «независимом государстве» кнут является официальной эмблемой».

БЕРСО,
швейцарский общественный деятель и путешественник

1959 год.

«Мы не знаем и никогда не узнаем, где покоятся погибшие в Леопольдвиле. Не знаем их имен, не знаем, сколько их. Нам не известно, были ли среди них дети и женщины: пуля слепа и не щадит невинных. Мы не знаем, подобрали ли их в эту трагическую для Бельгии ночь, чтобы тайно похоронить где-нибудь на берегу великой реки Конго, или бросили кое-как в общие могилы... Мы ничего не знаем об этих мертвых, кроме того, что они восстали».

ДЕМАНИ,
бельгийский писатель

1960 год, июль.

«В течение суток по крохам собирал я в этом мрачном разрушенном порту рассказ о том, чему можно дать лишь одно название: Безумство Матади.

Судя по тому, что я видел и слышал здесь, бельгийцы повинны в нападении на Матади в «день мщения», последовавший за мятежом в конголезской армии.

Это было 11 июля. С тех пор впервые в Матади начинает устанавливаться какое-то подобие порядка.

Вряд ли в центре города можно найти хоть один жилой дом или магазин с уцелевшими стеклами, а улицы все еще засыпаны пустыми гильзами...

Мне рассказали, что на следующий день после восстания армии Конго против бельгийских офицеров почти все европейские женщины и дети бежали на большой бельгийский корабль, стоявший в порту на якоре. Там они находились всю ночь, но большинство мужчин оставалось в городе.

На следующий день в Матади прибыли премьер-министр Патрис Лумумба и глава государства Джозеф Касавубу. По словам очевидцев, все было спокойно, и господин Касавубу обратился к толпе собравшихся бельгийцев. Он сказал, что огорчен вестью об их отъезде, и уговаривал остаться. Но к 11 часам вечера в городе не осталось ни одного бельгийца, и конголезцы взяли на себя управление портом. Корабль с белым населением города отчалил.

В ночь с воскресенья на понедельник все было спокойно. В 10 часов утра к порту подошли четыре бельгийских военных корабля. Бельгийские войска, как мне рассказали, высыпали на берег, стреляя на ходу.

Одновременно открыли огонь корабельные орудия. Позже четыре бельгийских самолета налетели на Матади и обстреляли город из пулеметов и пушек.

В доках я видел сотни отверстий, пробитых пулями. Повсюду валялись пустые гильзы.

В маленькой комнатушке возле Управления портовой полиции мне рассказали, что четыре конголезских полисмена, искавших здесь укрытия, были хладнокровно застрелены.

Я видел разгром, произведенный в этой комнатушке огнем пулеметов. Пробоины в стенах и потолке, пятна крови. На балконе висел мундир полицейского, изрешеченный пулями.

В больнице, расположенной за городом, на холме, я видел ряды коек, на которых лежали раненые. Там мне сообщили, что утром умер конголезский солдат и, таким образом, общее число жертв этого «дня мщения» достигло 19.

Весь день продолжалось сражение, и, по свидетельству очевидцев, бельгийцы обстреливали все, что попадалось им на глаза. Они обстреляли джип, на котором в город ехали четыре жандарма общественных войск.

Сегодня я видел продырявленный пулями джип с пробитыми шинами. Рядом лежали окровавленные, изодранные в клочья мундиры.

В семь часов вечера, когда совсем стемнело, бельгийские войска вернулись на корабли. В час ночи, рассказали мне, бельгийская канонерка открыла огонь по цистернам с нефтью в конце дока и на окраинах города. Одна из огромных цистерн с десятками тысяч галлонов бензина загорелась. Сотни конголезцев, живущих в ближних кварталах, бежали.

Я видел несколько отверстий в цистерне, оставленных снарядом 40-миллиметровой пушки...»

КУК,
корреспондент английской газеты «Дейли мейл»

«За годы бельгийского колониального господства население нашей страны сократилось наполовину... Это их король Леопольд II приказал отрубать руки мужчинам и женщинам, которые собирали мало каучука. В последнее время и даже после провозглашения независимости бельгийские офицеры допускали надругательства и насилия над нашими женщинами в округе Маньема. Жители Кинду, Казонго, Локанду и Лубуту только что пережили неслыханную дикость и безобразия со стороны народа, который считает себя цивилизованным...

Мы никогда не падали так низко, как они, которые не боятся торговать живыми людьми, совершать преступления, больше того, рисковать мировой войной, потому что они обуреваемы жаждой денег и богатства, потому что они любят эксплуатировать, потому что они любят господствовать».

КАШАМУРА,
министр информации правительства Республики Конго

Он лежит в пыли родного города, убитый пулями из автомата. Автомат виден тут же, его держит в руках товарищ погибшего молодого конголезца. Эта трагедия произошла совсем недавно в Леопольдвиле — столице только что созданной Республики Конго. «Европейский коммерсант застрелил молодого негра, который был раньше его слугой», — сообщила об этом случае французская газета «Либерасьон». Молча стоят вокруг новой жертвы белых колонизаторов соотечественники. Скорбь и гнев охватили их. Но дни империализма в Конго окончились. Никакие зверские убийства не вернут их!

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

ЖУРНАЛ «ТЕАТР»

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР И СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

В 1961 ГОДУ:

— продолжит публикацию новых пьес советских и зарубежных драматургов;
— проведет дискуссию «Актерское искусство сегодня»;
— напечатает ряд мемуаров, в том числе воспоминания А. Яблочкиной, Н. Смирнова-Сокольского, главы из книги И. Эренбурга;
— опубликует главы из романа Александра Крона, рассказы и очерки известных советских писателей;
— посвятит специальные выпуски жизни народных самодеятельных театров.

ПОДПИШИТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «ТЕАТР»

Подписка принимается без ограничения во всех пунктах подписки «Союзпечати» и в конторах связи. Подписная цена на год — 120 руб., на 6 месяцев — 60 руб., на три месяца — 30 руб. Розничная продажа ограничена.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—03395